

ТАЙНЫ ВЕТРА

МАЯК ЧУДЕС

Место, где рождается волшебство

Нелли Мартова

Нелли Мартова

Маяк Чудес

Серия «V.S. Скрапбукеры», книга 2

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25919579

Маяк Чудес: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-081407-7

Аннотация

Просто взяв в руки ножницы и бумагу... Найти Маяк Чудес, побывать под каждой из трех его башенок. И если однажды Маяк опустеет, если появится нечто, что разрушает его... Избранные, наделенные даром менять чужие судьбы, остановят эту силу, просто взяв в руки ножницы и бумагу...

Содержание

Вместо предисловия	5
Место, где исполняются желания	7
Глава первая. Смерть всегда отчаянно запоминает жизнь	13
Глава вторая. Я могу вернуть вам то, что вы потеряли	46
Глава третья. Берегись советских грузчиков, даже если они женщины	111
Глава четвертая. Кем вы были в прошлой жизни?	163
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Нелли Мартова

Маяк Чудес

© Нелли Мартова, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

* * *

*С благодарностью всем, в чьих руках рождается
вошебство*

Вместо предисловия

Скрапбукинг – вид творчества, заключающийся в изготовлении и оформлении фотоальбомов, открыток, блокнотов и других вещей с помощью бумаги, ткани, кружев, ленточек, памятных мелочей и прочего рукодельного материала.

Скрапбукинг – это способ сохранить и рассказать историю с помощью особых визуальных и тактильных приемов.

Для украшения скрап-страниц можно использовать как производимые промышленным способом элементы: люверсы, стразы, половинки «жемчужинок», готовые цветы и заготовки к ним, объемные буквы, рамочки, различные виды пуговиц и подвесок; так и найденные дома порванные цепочки, ракушки и плоские камешки с моря, колесики от часов, сережки, бантики от подарков и упаковки, бумажные салфетки с тиснением – все идет в дело. Особой популярностью пользуются памятные элементы: ярлычки от одежды, авиабилеты, билеты в кино и обычные билеты, буклеты, визитки, меню, карты местности, записки и списки, письма и конверты, вырезки из журналов, страницы из старых книг и так далее.

Из Википедии

V.S. скрапбукинг – вид творчества, заключающийся в изготовлении скрап-открыток и других скрап-вещиц, кото-

рые имеют магическую силу и могут оказывать влияние на поведение человека.

Те, кто занимается этим видом творчества, называют себя «v.s. скрапбукерами». Они способны сделать открытку, которая заставит получателя забыть собственное имя или отправиться пешком в кругосветное путешествие, покажет ему тайны чужого прошлого или поможет выиграть в лотерею, подарит шанс изменить свою жизнь или откроет скрытый дар.

Они рисуют на открытках линии чужих судеб.

Могло бы быть в Википедии

Место, где исполняются желания

Последняя ночь мая

Время круглой луны

Кот двигался осторожно и не спеша, как тепловоз, совершающий сложный маневр. Сначала на ступеньку крыльца опустилась одна толстая серая лапа, за ней другая, потом подтянулся живот и грязно-белые задние конечности. Кот довольно хрюкнул – перелезая через порог, он никогда не упускал возможности почесать пузо.

Люди звали кота Кругляшом – то ли за лунообразную морду, то ли за идеальную округлость сытого живота. Кругляш верховодил в Старой Кошарне так давно, что никто из десятка-другого нынешних ее обитателей не помнил другого вожака. О том, чего ему это стоило, знали только старые шрамы, которые можно было бы нащупать под слоем густой шерсти на голове – если бы, конечно, Кругляш дал кому-то себя погладить, – откушенный кончик уха и всегда смотрящий налево ободранный хвост.

На крыльцо высунула морду Пеструшка – тощая кошка-подросток из новеньких. Кругляш обернулся, и нарушительница покоя поспешила скрыться еще до того как столкнулась со строгим взглядом его желтых глаз.

Кот задрал голову и некоторое время разглядывал вече-

реющее небо с таким видом, словно вот-вот должен пойти дождь из колбасы. Сегодня луна будет круглая – совсем как морда у Кругляша. Пришло время выбрать счастливица. Кот склонил голову набок, потом развернул уши назад, словно прислушиваясь к чему-то позади себя, там, в Кошарне. Гладкая шерсть светилась в лучах фонаря.

Преодолеть четыре ступеньки крыльца за час может только очень уверенный в себе кот – тот, кто никуда не торопится. Они подождут: люди, которые в эту ночь с замиранием сердца думают о Старой Кошарне, и кошки, которые не смеют показаться наружу, пока Кругляш не сделает свое дело.

Двор Старой Кошарни усеивали шарики из скомканной бумаги. Кот протрусил по дорожке, сел у края вытоптанного газона и тронул лапой крайний шарик. Тот зашуршал и откатился в мятую траву. Сегодня свою работу выполнит Кругляш, а завтра – дворник. Площадка перед Кошарней опустеет, чтобы до следующей круглой луны заполниться снова. Таковы правила игры, которых, впрочем, никто и никогда не произносит вслух, но которым следуют все, кого это касается, – месяц за месяцем, год за годом, с тех самых незапамятных времен, когда крыльцо еще пахло свежей краской, и Кошарню окружали не светящиеся сотнями глаз многоэтажки, а потрескавшиеся стены низеньких полубараков и развешанное на веревках белье.

Кот встал, не спеша, одну за другой вытянул передние лапы, потом подобрал их к себе, выгнул спину и, наконец, при-

нял обычный деловой вид. Несмотря на толстое брюхо, Кругляш передвигался ловко, едва заметной серой тенью скользя между шариками. Следуя одному ему известному маршруту, он тщательно обнюхивал и ощупывал пространство перед собой.

Знатные усы Кругляша, длинные и по-гусарски лихо закрученные, топорщились вперед, как локаторы. Уши отвечали на малейший шорох мгновенным движением. Лапы ступали мягко, неслышно, словно и не весила кошачья туша добрых шесть кило. Надломанный кончик котовского хвоста раскачивался из стороны в сторону. В эту ночь – последнюю ночь мая – их было слишком много. Слишком много бумажных шариков, слишком много желаний – накарябанных впопыхах на страницах, выдранных из ежедневника, отпечатанных на принтере, разукрашенных маркерами на тетрадных листах в клетку, аккуратно сложенных и скомканных в нетерпении, лежащих кучками и поодиночке, плотно исписанных и почти чистых, с несколькими крупными буквами посередине.

Чем дальше шел кот, тем сильнее раскачивался его хвост. Слишком много желаний, и ни одного *подходящего*. Кругляш даже позволил себе фыркнуть, а это было совсем на него не похоже. Первый обход завершился ничем, и кот пошел на следующий. Время от времени он садился, оборачиваясь хвостом, и вопросительно смотрел на сырненький желтый круг в небе: мол, «луна, дорогуша, ты ничего не перепутала»? «Не

слишком рано закруглилась? Может, спрячешь на время половинку светящегося бока?» Потом он оглядывал поляну бу-
мажных шариков, вздыхал и шел дальше.

Кругляш не умел считать. Он только знал, что его лапы помнили много ночей полной луны. Так много, что хватило бы на маленькую кошачью жизнь. Например, такую, как у неугомонных малышей полосатой красоти Мурлы, которые появились на свет ранней весной не без его, Кругляша, участия.

И прежде случалось так, что ему приходилось выбирать долго. Нужный шарик оказывался закатившимся под куст, или прятался среди десятка своих близнецов, или обнаруживался в самом дальнем уголке. Но на то Кругляш и вожак, чтобы вынюхать его, выследить и выцепить когтистой лапой. На прошлую луну ему хватило несколько минут. Кругляш помнил, как месяц назад он сразу почувствовал верное направление, как нос его поймал знакомый аромат, и каким неожиданно сильным оказался этот запах вблизи, не давая усомниться в правильности выбора ни на секунду. Помнил он и шарик: таких в Кошарне он еще не видел – буквы были выпуклыми и отражали лунный свет ярче, чем весенние лужи, бумага громко шуршала, а когда Кругляш тащил в пасти шарик в Кошарню, внутри него что-то позвякивало.

На этот раз и нюх, и особое, неведомое другим существам, кошачье чувство на пару подводили его. Запахи, которые улавливал чуткий нос, не вызывали у кота ничего, кроме от-

вращения. Кругляш не знал, сколько кругов он уже сделал по двору Кошарни. Он трогал шарики лапой, засовывал в них влажный нос и фыркал, он обследовал каждый уголок и обнюхивал каждую травинку. Лапы намокли от росы, шерсть на загривке вздыбилась, отчего котовье тело казалось еще круглее, хвост метался из стороны в сторону.

Когда луна растеряла свою желтизну, и небо едва заметно посветлело, Кругляш успокоился. Он сел, повернувшись спиной к Старой Кошарне и полю из бумажных шариков. Вся его неподвижная, сутулая фигура выражала только одно чувство. Пеструшка, которая все это время тихо сидела в тени дверного проема, встревожилась и поспешила подняться. Виданное ли это дело, чтобы вожак на кого-то обижался?

Она ринулась было на крыльцо, но тут же остановилась. А ну как попадет под горячую лапу? Лапа-то у Кругляша тяжелая, непорядка не терпит. Пеструшка застыла на крыльце, вытянув морду вперед, и не верила своим глазам.

Кругляш поднялся и пошел прочь. Задние лапы в пушистых серых галифе вальяжно покачивались, хвост волочился по пятам, указывая надломанным кончиком налево. Когда фигура кота стала едва различимой в утреннем сумраке, Пеструшка не выдержала и бросилась следом.

Она догнала вожака в считанные секунды. Кругляш обернулся. Его немигающие желтые глаза заставили Пеструшку остановиться. На мгновение ее пробил дрожь, уши сами собой прижались к голове, но она быстро поняла, что кот смот-

рит совсем не на нее. Взгляд его был устремлен выше, за ее спину. Она навестила уши в том направлении, но ничего не слышала. Пришлось проследить за его взглядом. Кот смотрел не на двор, усыпанный шариками, и не на кривые окна, откуда выглядывали любопытные морды, и не на темный дверной проем. Он уставился наверх, туда, где над залатанной крышей замер флюгер. Первые лучи солнца, пробившиеся сквозь утренний туман, высветили знакомый силуэт – стрелку, на которой устроился черный кот с хулиганской мордой. За кончик хвоста зацепился полумесяц, на конце которого сидела маленькая птичка. И чего тут смотреть? Всё тот же флюгер, который они видели каждый день и под скрип которого привыкли засыпать, торчит себе и даже не шелохнется.

Когда Пеструшка снова повернулась, Кругляша уже и след простыл.

Глава первая. Смерть всегда отчаянно запоминает жизнь

Софья

1 июня, около полудня

Время преследовать незнакомку

Город

Всё началось с открытки. Конечно, людям, ничего не знающим о v.s. скрапбукерах, такое и в голову не могло прийти. Они видели только одно: парень взял – и у всех на глазах выбросился из окна. Внезапная смерть чужого человека зачастую вызывает у случайных наблюдателей житейское любопытство, да и только:

– Своими глазами видел!

– Ужас какой...

– Вот дурак-то – из окна кидаться! А если инвалидом останешься? Лучше уж таблеток наглотаться.

– Жалко-то как парня, ведь молодой совсем.

– Говорят, несчастная любовь...

– Обкурился, наверное, или ломка.

А между тем парень не был ни пьяным, ни обкуренным, и любовь тут ни при чем. На самом деле всё началось с открытки.

Тот день – первый день лета – запомнился мне набором ярких цветowych пятен, словно кто-то крупными мазками наносил краску на чистый лист бумаги.

Утро. Я сижу в кафе, вяло ковыряю вилкой остывший блинчик и ничего еще не знаю ни о каких самоубийцах. На столе передо мной лежит черный квадрат – визитка Магрина. Обещал позавтракать со мной и не пришел. Такое бывает, мало ли дел может быть у городского куратора по v.s. скрапбукингу.

Воздух наполнен свежим утренним солнцем. На занавеске, оформленной в стиле шестидесятых, чередуются голубые и синие кругляшки. Сквозняк играет занавеской, а солнечные лучи подсвечивают ткань снаружи. Если закрыть глаза, то некоторое время перед ними еще стоят ровные круги цвета летнего неба.

Я смотрю на визитку и жду, когда отзовутся облака из пестрых перьев, разбросанные по черному бархату. Когда я пытаюсь вспомнить лицо Магрина, то вижу только большие серые глаза. Многие люди говорят, что им не по себе, когда Магрин на них смотрит. «Уставится, будто душу вынимает», – так говорит Инга. Но я-то знаю, что в его взгляде прячется совсем другое – полное, стопроцентное внимание. Никто не умеет слушать человека так, как наш куратор. «Наш», впрочем, – это не совсем верно сказано, потому что традиционные деловые отношения меня с ним не связываю-т, только личные. И все-таки он за мной присматривает. В

таком деле, как v.s. скрапбукинг, трудно обойтись без опытного наставника.

Выходя из кафе, я по привычке прислушиваюсь к мелодичному звону, который издают семь блестящих трубочек каждый раз, когда открывается дверь. «Музыка ветра» охраняет невидимую грань между миром улицы – потоком людей, грохотом трамваев, потрескавшимся асфальтом – и миром кафе, где пахнет ванилью и корицей, где так приятно положить ладони на велюровые подлокотники кресла, где тихо позвякивают чашки, а плитка на полу напоминает синими и красными кругами старую детскую игрушку «кольцеброс».

На улице ко мне подходит потрепанный серый кот и трется об ногу круглой мордой.

– Извини, дружок, колбасы не ем. – Я протягиваю руку, но кот уворачивается. – Не хочешь гладиться? А хочешь, я куплю тебе «Вискаса»? Пойдем, тут киоск недалеко.

Я покупаю пакетик корма, выдавливаю влажные, противно пахнущие комочки на рекламную листовку и кладу перед котом. Тот жадно набрасывается на еду, но не проходит и нескольких секунд, как он вздрагивает, оглядывается, и шерсть у него на загривке встает дыбом. Рядом со мной стоит знакомая-незнакомая девица. Незнакомая, потому что я ее никогда раньше не видела. Знакомая, потому что в ней есть что-то узнаваемое. Может быть, веснушки на ее лице напоминают мне мои собственные, а может быть, нас связывает с ней какое-то общее дело, во всяком случае, так я чув-

ствую. Одно могу сказать наверняка: она не скрапбукерша. Девушка смотрит на меня, словно хочет что-то сказать, но не решается. Одну руку она прячет в кармане просторного бесформенного одеяния, слишком теплого для июньского утра.

– Вы что-то хотели? – спрашиваю я.

Она не отвечает, а кот оскаливает пасть, пятится и шипит. В его больших желтых глазах отражается испуг. Ветер доносит до меня странный, отталкивающий запах, и я тоже вздрагиваю. Кто она? Активистка общества уничтожения бродячих животных или, наоборот, тронутая кошатница, из тех, что способны устроить из собственной квартиры концлагерь для сотни несчастных кисок, которых не могут прокормить? Кот наверняка знает об этом лучше меня, потому что в мгновение ока пускается наутек и скрывается в ближайшей подворотне. Горстка влажного корма остается лежать на желтом пятне листовки.

И тут я вижу то, что заставляет меня забыть обо всем на свете. Кот и странная девушка перестают существовать в моем пространстве, потому что в нем появляется нечто иное, бесконечно совершенное и невообразимо прекрасное – настоящее меркабурское платье. Вызывающая изумрудная расцветка привлекает к себе внимание даже на фоне свежей листвы, еще не успевшей покрыться городской пылью: над тканью словно кто-то тряс ручкой с зелеными чернилами до тех пор, пока вся она не покрылась кляксами, перетекающими друг в друга. Я глаз не могу оторвать от платья: тонюсень-

кие бретельки, изящный разрез на груди, приталенный верх, свободный подол чуть выше колен, но самое главное – дыхание потока. Платье светится все целиком, до последнего шва, и делает свою хозяйку безупречной – стильной, стройной и в то же время на удивление живой, а не сошедшей со страниц глянца. У меня в голове мигом проносится картинка: вот она утром натягивает халат в цветочек производства ивановской трикотажной фабрики, а потом ей является фея, случайно забежавшая по дороге в сказку про Золушку, и превращает его в это чудесное платье. Я смотрю на ее ноги в поисках хрустальных туфелек, но вижу лишь модные босоножки, без единого следа потока.

Едва ли отдавая себе отчет в собственных действиях, я бросаюсь в погоню за волшебным нарядом и в последний момент втискиваюсь вслед за обладательницей платья в полный трамвай. Двери захлопываются прямо у меня за спиной.

Три остановки я трясусь в окружении потных подмышек, трясущихся животов и объемных сумок. Такое впечатление, что, собираясь проехать в переполненном трамвае, люди нарочно подыскивают для своих баулов все самое колючее, вонючее и выпирающее. Три остановки я отмахиваюсь, как от мух, от чужих планов на ужин, несданных отчетов и четвертных двоек паршивцев-детей. Изо всех сил я пытаюсь протиснуться к платью поближе, но, чтобы пробраться сквозь скопление тел, нужно быть ужом, намазанным мылом.

Не знаю, что бы я ответила, если бы кто-то спросил, что заставляет меня сломя голову преследовать платье. Наверное, прикинулась бы модельером, который во что бы то ни стало хочет узнать, кто автор этого шедевра. И в этом есть своя доля правды.

Мой мир всегда отличался от мира других людей. Я понимала это с самого раннего детства и скрывала от всех, как всякий нормальный сумасшедший утаивает свои галлюцинации. Полтора года назад невероятное и непостижимое приняло реальные черты и обрело форму. Оказалось, что есть и другие – такие же, как я, а у моего призрачного источника вдохновения обнаружилось название – Меркабур. Он – целый мир, и он же – волшебный поток, что струится сквозь пальцы, играя оттенками, как луч солнца – через цветное стекло, когда я работаю над скрап-открыткой.

Но и в этом, вновь обретенном, мире я тоже отличаюсь от большинства. Нормальные скраперы видят поток только в открытках, хотя и понимают, что ни один шедевр в мире – от «Моны Лизы» до «Властелина колец» – не появился бы на свет без Меркабура. И только я чувствую его так же ясно, как обычные люди ощущают ветер или тепло солнечных лучей. Мне не нужно вглядываться в детали, чтобы отличить, сделана ли та или иная вещь на фабрике или руками настоящего мастера. Я точно знаю, что поток прикоснулся к скворечнику, спрятанному под кроной старого дерева в нашем дворе, и к вязаной белой шапочке соседской малышки Галюси, и к

расшитому фенечками рюкзаку подростка, который брэнчит на гитаре в подземном переходе. Меркабура в нашем мире гораздо больше, чем можно подумать. Но это платье – оно словно все целиком соткано из потока – я никогда такого раньше не видела.

Вслед за девушкой в зеленом я выбираюсь из трамвая и на ходу придумываю себе отговорку: мне просто интересно, как можно умудриться сделать настоящее меркабурское платье. На самом деле меня влечет за собой неведомая сила, и против нее я не могу устоять. Разве может остановиться бездомная собака, когда бежит за прохожим, в сумке у которого она унюхала колбасу?

Магрин не устает повторять, что мне нужно быть осторожной и следить за собой. Вот я и слежу: как иду вслед за незнакомой девушкой в сторону парка, как преследую ее по центральной аллее, как делаю вместе с ней второй круг вокруг озера.

На третьем круге обладательница платья внезапно оборачивается и капризным тоном спрашивает:

– Девушка, ну что вы все время за мной ходите?

Вблизи дама выглядит старше, чем казалась издали. Та еще фифа – сама почти одного со мной роста, однако же окидывает меня фирменным взглядом сверху вниз, от которого я сразу чувствую себя кривоногим карликом с волосатыми ушами. Я отмечаю про себя, что она почти наверняка не из наших, и волшебный эффект ее наряда – дело рук кого-то

другого.

– Мне очень нравится ваше платье, – честно говорю я. – Где вы его купили?

– Тебе не по карману, – кривится она.

Конечно, в глазах приличной и ухоженной дамы тощая рыжая девица в шортах и выцветшей рубашке с закатанными рукавами выглядит подозрительно. Но мне наплевать. Платье – вот единственное, что меня сейчас волнует.

– Вы ведь шили его на заказ? Где можно найти... – подбираю я подходящие слова, – автора этой работы?

Дама меняется в лице, теперь поток светится в ее глазах, и я начинаю подозревать, что она все-таки скрапбукер. И тут она хватается за руку и тащит в сторону густых зарослей. Я так удивлена, что даже не пытаюсь вырваться. Когда прогулочные дорожки остаются далеко позади, она манит меня в укромное местечко под деревом, посреди плотного кустарника. Судя по запаху, этим уютным уголком часто пользуются те, кому жаль денег на платный туалет. Я зажимаю нос. Если бы на ее месте был мужик, я бы приняла его за маньяка и убежала бы оттуда сломя голову. Дама подходит вплотную к дереву, достает из сумки маникюрные ножницы и задирает подол платья. Я пячусь назад и беспомощно оглядываюсь. Вокруг никого. Я снимаю рюкзачок, засовываю в него руку и нащупываю спасительную SOS-открытку – последнюю придумку Магрина. Эта штука лучше любой тревожной кнопки: подает сигнал сразу куратору и дежурному скрапбу-

керу и заодно передает несколько слов – сколько влезает на карточку. Я уже начинаю придумывать записку. Звучит дико: «Парк, маньячка, платье, помогите». Дама тем временем что-то отпарывает с изнанки. Поток льется сквозь крохотные ножницы на небольшой прямоугольный предмет или... или наоборот! Потому что, когда она отрезает последнюю нитку, платье мигом перестает светиться, словно всю магию выключили, и оно превратилось обратно в халат. Дама протягивает мне прямоугольную карточку размером с пудреницу.

Ага, скрап-визитка! Сине-зеленая карточка посверкивает в полумраке блестками, словно эльф нанюхался волшебной пыли и со всей дури чихнул на кусочек картона. Пальцы нащупывают что-то интересное, чего толком не разглядеть в густой тени деревьев.

Со смесью недоумения и брезгливости на лице дама в зеленом платье удаляется прочь на цыпочках, всем своим видом показывая, что, будь на то ее воля, ноги бы ее здесь никогда не было. Теперь ее фигура уже не выглядит безупречной. Заметно, как выпирает складка живота – не как у беременных, а выше, над пупком, и сама дама некрасиво сутулится.

Вслед за ней я выбираюсь из кустов, сажусь на скамейку, разглядываю визитку и прихожу в полный восторг. Сделано потрясающе! В моих руках будто витрина крохотного старомодного ателье, на которой выставлены в ряд манекены из толстого черного картона, за ними – швейная машин-

ка с крошечной катушкой, а рядом примостились старинные ножницы и утюжок. На плечиках, скрученных из проволоки, висит несколько тряпочек разных оттенков зеленого – это стойка с тканями. Главная же деталь визитки – совершенно уморительный портрет хорька в белом чепчике, заключенный в бронзовую рамку. Детали карточки играют оттенками зеленого: это и шторы по углам, и отрезы тканей на вешалках, и ожерелье на манекене, а еще изумрудные блестки по всей поверхности.

К верхнему краю визитки прикреплена жестяная табличка, на которой шрифтом, типичным для печатных машинок, выбито:

АТЕЛЬЕ «ДЕПРЕССИВНЫЙ ХОРЕК»

Вдоль нижнего края – от плоской катушки с белыми нитками – тянется вышитая надпись:

Шито белыми нитками

Я пытаюсь понять, как работает карточка. Верчу ее и так и эдак, двигаю вешалки с тряпочками, глажу утюжок, обвожу пальцем вышитую надпись. На пальцах остаются следы зеленой краски. Как странно: по всем признакам это работа профессионала, но почему же карточка пачкается? Визитка не отзывается. Теперь я не успокоюсь, пока не узнаю, чья эта визитка и что означает вся эта сцена с платьем. Карточка Магрина по-прежнему не отзывается, но кроме него в городе есть еще один человек, который знает всех местных v.s. скрапбукеров. И он сейчас наверняка на своем месте.

Я редко бываю в парке и с трудом вспоминаю дорожку, по которой можно напрямик выйти на нужную улицу. Я иду все быстрее и быстрее – мимо пивных киосков, мимо торговцев косметикой, мимо большой кастрюли, в которой хмурый узбек накручивает на палку розовое облако сахарной ваты вместе со всеми своими заботами и обидами, мимо мамыши, которая фотографирует свое семейство на фоне грустного пони.

– Ну ты хоть руки в карманы засунь, что ли, – кривится она, глядя на сына.

Всё меняется. В моем детстве обычно говорили: «Вьнь руки из карманов». Не все перемены радуют. Я помню парк совсем другим: тихим, просторным, наполненным незамыс-

ловатым детским счастьем. Теперь же здесь с лихвой превышена допустимая концентрация злчных мест. Теснятся, толкаются боками шатры, заставленные пыльными пластмассовыми столиками, спорят за каждый квадратный метр палатки с дурацкими развлечениями и торговые лотки, перетянуты пейнтбольными сетками бывшие прогулочные аллеи. По вечерам окрестности сотрясает «дыц-дыц» из колонок, заводят свой привычный репертуар хриплоголосые певички, в исполнении которых даже «Битлз» звучат шансоном, и повсюду расплзается дым, пахнувший горелым мясом. Как будто черти в аду с песнями жарят грешников, честное слово. Я давно стерла парк со своей мысленной карты города, будто его и не существует вовсе.

От бокового выхода из парка до торгового центра всего полтора квартала. Всю дорогу я умираю от любопытства, добравшись до места, стрелой взлетаю на третий этаж и застаю неожиданную картину. Витрины наполовину пусты, а хозяин лавочки – дядя Саша – снимает со стены последний стенд с пуговицами.

– А, милая барышня... Рад вас видеть. Только я вот, как видите, закрываюсь, – говорит он, бережно укладывая стопку стендов в огромную папку.

– В самый разгар рабочего дня? Что-то случилось? Вы не заболели? – Я чмокаю дядю Сашу в колючую щеку.

– Неладно что-то в датском королевстве, – нараспев говорит он себе под нос и прячет корзинки с наборами бумаги

под прилавок.

Старый чудака любит выражаться цитатами. Я люблю его, как родного дедушку. Я и еще пара десятков городских v.s. скрапбукеров. И не только потому, что его лавочка – единственная, где можно купить спецтовары для нашего дела. К нему, как к настоящему дедушке, всегда можно забежать просто так – на чашечку чая или поболтать, поплакаться в жилетку, точнее, в его неизменный потрепанный серый шарфик, или спросить житейского совета.

– И надолго это?

– Одному Меркабуру известно, – пожимает плечами дядя Саша.

– Это Магрин, да? Это он велел закрываться? – продолжаю я выспрашивать.

– Господин наш любимый директор уже несколько дней не появлялся. И не звонил. – Коробка с ножницами отправляется под прилавок.

– Тогда что случилось? – настаиваю я.

– Мой магазин. Хочу – и закрываю. – В его голосе звучит королевская интонация – важная и не терпящая возражений.

Королевство дяди Саши – очень особенная лавка, его подданные – штучки с характером, продавать которые – дело непростое, а сам он – грустный король с неизменной печатью вины на лице, неловко ему заведовать эдаким богатством.

– Товар не хочет продаваться? – предполагаю я.

Бывает в лавке и такое. Придет человек, спросит, к при-

меру, фигурный компостер с ракушками, а тот возьмет и потеряется. Или делает вид, что сломался. У каждого штампика, маркера, трафарета, как и у всякой другой вещицы в магазине, есть свое предназначение, и кому попало они в руки не отдадутся.

– Мне не нравятся покупатели, – отчасти подтверждает мою догадку дядя Саша и с грохотом опускает у меня перед носом рольставни.

Кому, как не королю, знать, в каком настроении пребывают его подданные. Я верчу в руках коробку с желтой штемпельной подушкой «Кошачий глаз», а она ни в какую не хочет открываться. Кажется, что все они – от крохотной бисеринки до самого большого листа картона – хотят спрятаться, закрыться от мира, как цветы на лугу смыкают лепестки перед наступлением ночи. Что это с лавкой творится? Ну и черт с ней! В конце концов, я пришла сюда не за этим.

– Дядя Саша, вы случайно не знаете автора этой визитки? – Я сую ему под нос карточку с депрессивным хорьком.

Он откладывает в сторону пачку наклеек и поправляет очки. Стоит ему только разглядеть визитку, как выражение его лица меняется.

– О, – только и говорит он. – О-о-оооо.

Я жду ответа на свой вопрос, а дядя Саша вместо этого бормочет себе под нос:

– Значит, закроюсь и открытку защитную повешу вместо замков. Если кому будет очень надо, тот и без меня откроет

и возьмет, что ему полагается.

– Дядя Саша, ну скажите, а? Чья это визитка? – терпеливо переспрашиваю я. – Вы ведь наверняка знаете.

– Давненько я не видел этой карточки. Откуда она у вас? Ох, старый дурак, зачем я спрашиваю. Оно и понятно. Значит, вы... Вот как. Давненько, давненько... Ну, раз такое дело, мне надо торопиться. До свиданья, милая барышня, магазин закрывается на неопределенное время.

– Дядь Саш. – Я пытаюсь поймать его взгляд. – Почему вы не хотите ответить?

– Потому что придет время. – Он хлопает меня по плечу. – И она вам сама всё расскажет.

– Кто «она»? Визитка?

– Хозяйка ателье, конечно.

Дядя Саша закрывает последнюю витрину. Я делаю вид, что прощаюсь, а сама жду в соседнем отделе, чтобы вернуться, когда он уйдет. Мне очень хочется посмотреть на защитную открытку.

Я возвращаюсь обратно. Мне непривычно видеть на месте лавки белый пластмассовый кубик, расчерченный полосками рольставен. Лавка дяди Саши не принадлежит ни нашему миру, ни Меркабуру. Она на грани, как ножницы v.s. скрапбукера, как мастер в момент вдохновения, она – дверь между двумя вселенными, и эта дверь ни с того ни с сего захлопнулась. Но ключ остался. Я обнаруживаю на боковой стенке, под вывеской с графиком работы, небольшое зерка-

ло в толстой скрап-рамке. Оно выглядит как украшение и не привлекает внимания. Только поток едва заметно светится вокруг зеркальной поверхности, создавая ореол, который не видит никто, кроме меня. Правый верхний угол рамки и левый нижний покрывают штампы в виде зубчатых колесиков разного размера и настоящие шестеренки. Справа вверху на крючке висит маленькая лампочка. Слева вставлена картинка с изображением девушки в платье викторианской эпохи. Из спины у нее торчит огромный ключ. Рядом надпись „Find your key“, а под ней висят на кольцах четыре разных ключа. Еще один примотан к зеркалу проволокой. Вот так все просто: пять ключей, всего один замок, которым закрыты рольставни на входе, и прямая подсказка. Но у меня нет и тени сомнения, что никто, кроме того, кому *полагается*, не войдет без спроса в лавку.

Когда я подхожу к лестнице, девушка сует мне в руки листовку. Обычно я не обращаю внимания на рекламный мусор, но тут взгляд цепляется за какое-то слово. Поначалу мне кажется, что на бумажке – только одно слово из шести букв: «ателье», и до меня не сразу доходит, что там есть еще и текст. Листовка гласит:

Уважаемые покупатели!

С 1 по 10 июня приглашаем вас на выставку

«ФЕСТИВАЛЬ ЛЕТНЕГО ПЛАТЬЯ».

Вас ждут работы лучших модельеров и ателье.

5-й этаж, отдел женской одежды

Уже знакомая неведомая сила тянет меня наверх. Между четвертым и пятым этажами я пытаюсь протиснуться сквозь кучку оживленно болтающих женщин, и уборщица случайно бьет меня в бок шваброй, но я не чувствую боли. В детстве я с таким же нетерпением первого января мчалась к елке – босиком по холодному полу, едва успев проснуться и не замечая ничего вокруг.

Наверху я не даю себе ни секундочки, чтобы перевести дыхание. Я быстро иду вдоль выставочных образцов, минуя один за другим, словно ягоды на поле собираю: передо мной еще желтый сарафан в оборках, но глаз уже заприметил джинсовое платье на следующем манекене и что-то простенькое в горошек впереди, но ни в одном из них я не вижу ни единого следа потока. Мимо вместе с покупательницами пролетают чужие мысли-ощущения: «я слишком толстая для этого», «боже, какая безвкусица», «а найдутся ли у меня подходящие босоножки?».

Я дохожу почти до самого конца выставки. Меня накрывает разочарование, как если бы все коробки с подарками оказались пустыми. И тут я чувствую поток позади себя. Я не знаю, как это происходит, у меня нет глаз на затылке, и я не умею вертеть ушами как кошки, но сомнений быть не может: где-то там, за спиной, совсем недалеко, есть скрап-открытка. Я стремительно поворачиваюсь и задеваю вешалки с блузками. Несколько штук падают на пол.

Среди разноцветных рядов вешалок я вижу одинокого

парня с открыткой в руке, и сердце у меня ёкает. Я понятия не имею, узнают ли друг друга профессиональные фотографы в толпе туристов или танцоры – на дискотеке, но v.s. скрапбукеров и их работы я чувю везде и всегда, как спортсмен-горнолыжник сразу отличает в толпе любителей, спускающихся с горы, другого спортсмена. В потоке, который излучает открытка, ясно чувствуется оглушительно фальшивая нота. Что-то давно забытое, из прошлой жизни, чего не хочется вспоминать, только во сто крат сильнее, чем запомнилось.

Я должна была заметить его раньше. Парни нечасто заглядывают в магазины женской одежды, тем более посреди рабочего дня. Разве что приходят с подругой, но в таком случае они обычно топчутся со скучающим видом возле примерочной. А этот стоит у приоткрытого окна. Значит, он шел от входа через весь зал. Почему же я не заметила его сразу?

Парень подносит открытку к лицу и смотрит на нее внимательно, но отрешенно, как на экран электронного планшета. У меня перехватывает дыхание, и кровь приливает к лицу. Так бывает, когда едешь в такси, лихой водитель закладывает крутой вираж, и его машина едва не врежется в соседнюю. Я дергаюсь вперед, но спотыкаюсь об упавшие вешалки с одеждой.

Поздно. Вот он открывает створку окна спокойным, неторопливым движением, словно хочет вдохнуть свежего воздуха, но я уже знаю, что он сделает дальше. Я запутываюсь в

блузках, плавно, как в замедленной съемке, падаю на колени и ударяюсь о полку. Правое плечо пронзает острая боль.

– Стой. – Мне кажется, что я кричу, но на самом деле это всего лишь шепот.

От пола до окна – не больше полуметра, и парню не требуется особых усилий, чтобы влезть на подоконник. Продавщица в ужасе закрывает рот руками, но не издает ни звука и не двигается с места. Еще одна бежит с противоположного конца зала. Обычный парень – короткая стрижка, джинсы, майка, ремень, часы, задний карман оттопыривает бумажник – таких в городе за день сто раз можно встретить и ни одного не запомнить.

В последний момент, когда он делает шаг, мне кажется, что на голове у него черный мешок, как у грабителей, только без прорезей для глаз. Я хлопаю глазами, перегибаясь через подоконник, и вытягиваю шею. Он летит невыносимо медленно. Не раскидывает руки, как если бы вообразил, что у него есть крылья, не кричит от ужаса, не складывается солдатиком, как если бы прыгал с вышки в воду, и не размахивает руками и ногами в бесполезной попытке задержать падение. Он летит так, словно был уже мертв, когда сделал свой последний шаг. В руке у него по-прежнему открытка.

Я должна была заметить его раньше!

Я выпутываюсь из вешалок с одеждой и бегу вниз. Одна ступенька сменяет другую, и кажется, что они никогда не закончатся. Пятый этаж торгового центра – примерно как

седьмой обычного дома. Мог ли парень выжить? Я выскакиваю на крыльцо и тут же понимаю – ни одного шанса нет. Вокруг тела уже собрались зеваки. Ветер треплет волосы на макушке, из-под которой растекается темная и густая лужа. Цвет волос в точности такой же, как у меня, светло-рыжий. Значит, никакого черного мешка на голове не было – мне все померещилось. Выражение его лица ангельски безмятежно, глаза закрыты, кажется, что он спит и вот-вот улыбнется во сне.

*«Жизнь всегда любит великопепную смерть. Смерть всегда отчаянно запоминает жизнь»*¹. Кто это сказал? Я не помню.

Я смотрю на тело без эмоций, словно вижу его на экране трехмерного кинотеатра. Не даю себе включиться, иначе не смогу сделать то, что сейчас важнее всего. Быстрее, пока не приехали скорая и полиция. Вот уже за мной на крыльцо выходят охранники, не торопятся, переговариваются с кем-то по рации. Я встаю спиной к камере, которая смотрит на меня со стены торгового центра, нарочно ойкаю, судорожным жестом закрываю глаза руками и роняю рюкзачок парню прямо на руку.

– Ну что же вы, девушка! – Какой-то мужчина рядом наклоняется, чтобы помочь мне, но я опережаю его и приседаю на корточки.

Рука, еще мягкая и теплая, легко отпускает открытку, и я

¹ Юрий Шевчук. «Вальс».

поднимаю карточку вместе с рюкзачком. Наверное, он крепко держал ее, раз не потерял во время падения.

Никогда раньше не встречала этого парня, но могу голову дать на отсечение, что он был скрапбукером. Скрапбукер-самоубийца – это может означать одно из двух, и я боюсь даже думать об этом.

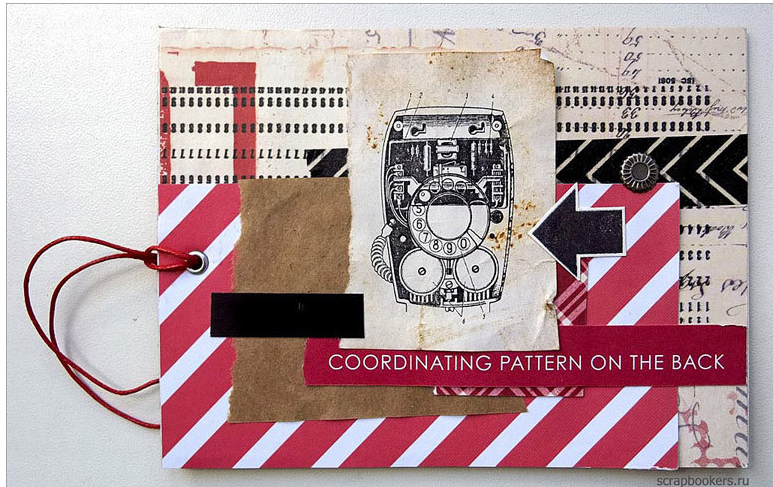
Я прячу открытку в рюкзачок и сворачиваю за угол. Дети рисуют мелом на асфальте смешные рожицы. Подъезжает, оглушая прохожих сиреной, машина скорой помощи, мамы хватают детей за руки и уводят подальше. Я прислоняюсь к стене. В моей ладони все еще хранится ощущение прикосновения. В этом прикосновении – просьба о помощи, хотя парню уже нечем помочь. Но я точно знаю, что скрап-открытку нельзя украсть или взять без спроса. Значит, он отдал мне ее *сам*.

Я должна была заметить его раньше! Платье, визитка, ателье, выставка – все это не может быть случайностью. Меня привел к нему поток. Я должна была что-то сделать, но не сделала.

Я подбираю мелок и опускаюсь на корточки, уставившись на ближайший детский рисунок – неровный овал рожицы, уши-треугольники, длинные усы и желтые глаза. Рука выводит на асфальте толстые буквы: «МЕРК». Я спохватываюсь, пытаюсь стереть надпись кроссовком, но ничего не получается. Что теперь делать и куда бежать? Ноги сами уносят меня прочь от этого места все быстрее и быстрее. Хлопает по

спине рюкзачок. Солнце дышит жаром, и по спине стекает струйка пота. Улица проносится передо мной как бесконечно длинная фотография, на которой неподвижно застыли дома и прохожие, машины и автобусы, голуби и собаки, деревья и куцые газоны. Эта картинка не имеет ко мне никакого отношения. В отличие от *того парня*.

Когда я немного прихожу в себя, то обнаруживаю, что прошла уже несколько кварталов. Руки дрожат, в горле пересохло. Я покупаю в киоске бутылку воды и сажусь на скамейку в незнакомом дворе, зажатом между двумя хрущевками. С тем, что у меня в рюкзаке, нужно срочно что-то делать. Это бомба, которая может взорваться в любой момент. На моем веселом рюкзачке в этническом стиле, над которым все время смеется Инга, есть два вида скрапзащиты: от кражи – в виде вышитого висячего замка, и от того, чтобы его случайно где-то не забыть – это желтая кисточка с несколькими узелками «на память». Но я никогда не предполагала, что мне придется опасаться того, что внутри. Это же мой собственный рюкзак, у меня там и кошелек, и мобильник, и визитка Магрина, а я до смерти боюсь засунуть туда руку, словно там прячется гремучая змея. К счастью, SOS-открытка хранится во внешнем кармане.

scrapbookers.ru

Она небольшая, примерно с половину обычной открытки, но очень плотная, на основе из толстого картона. Достаточно удобная, чтобы положить в карман рубашки, и в то же время не слишком маленькая, чтобы не потерять ее и не спутать с визиткой. Фон в красно-белую диагональную полосу сразу привлекает к себе внимание, таким помечают на дорогах сложные повороты и участки, где ведется ремонт. Самая крупная деталь карточки – пожелтевший листок с рисунком старого телефонного аппарата. Ниже – надпись: «coordinating pattern on the back». Эту фразу всегда пишут на двусторонней скрап-бумаге, но почему она оказалась здесь, можно только ломать голову. С обратной стороны карточ-

ки есть кармашек. Я достаю из него тэг², привязанный красной вошеной ниткой, откапываю в том же внешнем кармане рюкзака карандаш и быстро пишу на тэге: «У меня открытка скрапбукера-самоубийцы. Что делать?» Последнюю фразу можно было и не добавлять. Ах да, чуть не забыла самое главное! Я поспешно дописываю адрес, который вижу перед собой: «Улица Пирогова, 29. На скамейке у первого подъезда». Под телефоном есть небольшое черное поле. Я стираю ногтем этот защитный слой, как на билете мгновенной лотереи, и под ним проступают красные буквы: «S.O.S.».

Теперь кто-то должен отозваться. Кто-то должен подъехать и забрать у меня ЭТО. Я надеюсь, что это будет Эмиль. Я уже представляю себе, как все произойдет: он не станет меня обнимать и утешать, это не в его привычках, просто посмотрит своими круглыми глазами, может быть, сожмет мою руку, и все сразу встанет на свои места.

Я жду, и через некоторое время мне начинает казаться, что я сижу в этом дворе вечно. Я закрываю глаза и отдаюсь одному-единственному ощущению: ветер треплет мои волосы, играет ими, словно запустил в них невидимую ладонь. Открываю глаза снова, но ничего не меняется: все так же колышется белье на веревках, стоят в рядок, как на расстрел, чьи-то серые подушки. В какой-то момент я пугаюсь и начи-

² Скрап-тэг – небольшая этикетка, оформленная в технике скрапбукинга, обычно с круглым отверстием сверху для крепления к чему-либо с помощью нитки или шнура.

наю ощупывать руки и ноги, как сумасшедшая. Мне кажется, что я в Меркабуре, и дороги назад уже нет. Иначе почему здесь так пустынно, почему никого нет во дворе? Потом я вслушиваюсь в спасительные, живые звуки: птицы щебечут о чем-то своем, с улицы доносится шум машин, где-то неразборчиво бубнит телевизор.

Магрин не отвечает. Вода в бутылке кончилась. Я смотрю на часы – прошел уже почти час. Быть такого не может! Если Эмиль пообещал, что SOS-открытие работает быстрее пожарных и скорой помощи, вместе взятых, значит, так оно и есть. Что мне теперь делать?

Из подъезда выкатывается румяная и круглая, как булка, тетка в возрасте, с гладко зачесанными в кубышку волосами. За ней, подпрыгивая, семенит худенький мальчонка лет пяти в рубашонке, зеленых шортах и белой вязаной беретке. Пока тетка оглядывает меня с подозрением, мальчик успевает забраться в кусты.

– Здравствуйте, – отвечаю я на ее вопросительный взгляд, натянуто улыбаюсь и добавляю: – Жара-то какая сегодня!

Тетка-булка напряженно хмурит лоб, потом кивает:

– Здравсьте. Жарко, да.

Мальчик шуршит в кустах.

– Петька! Вот сорванец, куды ты подевался-то? А и черт с тобой, без тебя пойду.

– Бабуля, подожди!

Мальчонка выбирается обратно к подъезду, хитро улыба-

ется, что-то прячет в руках. Тетка выплывает на дорожку неспешно, как баржа на гладкие речные просторы, мальчик разжимает ладошку и, высунув язык, на ходу украшает юбку бабушки сзади узором из репейников. Я чувствую дыхание потока – тонкое и легкое, как едва заметное дуновение ветерка, и улыбаюсь теперь уже от души.

До моего слуха доносится мелодичный перезвон. Кто-то открыл дверцы застекленного балкона в доме напротив. Там, под потолком, висит «музыка ветра». На миг ко мне возвращается то на редкость неприятное ощущение, которое вызвала у меня открытка самоубийцы. Металлические трубочки со звоном ударяются, отделяя друг от друга два мира: один, где мальчишка вместе с потоком играют с репейниками, и другой, в котором человек без видимой на то причины делает смертельный шаг из окна.

Надо ее достать. Прямо сейчас, пока не поздно и ничего больше не случилось. Ради Меркабура. Надо достать эту чертову открытку! Надо понять, сделал ли парень ее сам, в чем я практически уверена, или же... нет, лучше не думать о том, что еще может произойти, если ее автор – кто-то другой. Я сижу, положив руку на рюкзак, и медлю. Взять эту открытку – все равно, что проявить фотографию, на которой изображено что-то очень страшное. И, кроме меня, сделать это некому. Ветер продолжает играть мелодию, и мне слышится в ней просьба.

Когда бабушка с внуком скрываются за поворотом, я

вздыхаю, подтягиваю к себе рюкзак и дергаю застежку. Как назло, ее заело, и я долго вытаскиваю из собачки молнии застрявшую подкладку.

Как только я достаю открытку самоубийцы, то сразу же понимаю: все изменилось. Такое же ощущение возникает, когда случается что-то непоправимое. Тебе сообщают о неожиданной болезни близкого человека, и ты отчаянно отказываешься в это верить. Твоя жизнь уже перешла невидимую границу, а ты сам еще остался там, в прошлом. Хочется вернуть все как было. И все, что было раньше, даже то, что не нравилось, теперь кажется просто отличным, классным и замечательным. Ты по инерции двигаешься в будущее, которого уже никогда не будет, а тебе, на самом деле, пора менять планы. Ты должна покупать не купальник, а шприцы и лекарства, выбирать не курорт на море, а дешевую аптеку.

Смешно было думать, что мир устаканился. Я успела привыкнуть к своему новому образу жизни и полюбить его. Мне казалось, что теперь все так и будет: моя крохотная, но отдельная квартирка, моя мастерская, любимая работа – заказы на открытки, над которыми я колдовала с неизменным удовольствием и получала неплохие деньги, знакомства с интересными людьми, наши посиделки с Ингой и ее мамой, Надеждой Петровной, завтраки с Эмилем, походы к родителям на ужин по субботам. Я завела новые привычки: повсюду носить с собой любимые ножницы в специальном чехле, фотографировать все свои работы на память, дарить маленькие

подарки тем, кто заказывал больше двух открыток.

И вдруг – бабах – все опять переворачивается с ног на голову. Что-то сдвинулось в Меркабуре, вот что страшнее всего. Словно в кого-то близкого и родного, самого верного и надежного, вселился злой дух.

«Черный сюр» – так я окрестила про себя карточку сразу же, как только посмотрела на нее поближе. Сначала кажется, что на открытке изображен человек. Так бывает с сюрреалистическими картинами – бросаешь первый взгляд и видишь одно, а потом приглядываешься – и понимаешь, что это совсем другое. На самом деле на карточке клетка, укрытая плащом-шкурой, а на ней лежит шляпа. Из-под плаща с одной стороны торчит нарисованная рука, держит тросточку. Издалека похоже на сидящего человека. Решетка клетки сплетена из проволоки, а внутри – мертвый голубь со свернутой шеей. От черной шкуры, из которой сделан плащ, пахнет ветошью, словно специально для этой карточки на помойке подобрали старую шубу. Из картонной шляпы-котелка торчит настоящее белое перо с шероховатой каплей крови на конце, словно его выдрали с корнем из живой птицы. В уголке, там, где некоторые скрапбукеры ставят свою монограмму, примостилась завитушка, похожая на крендель.

Черная шкура... Однажды мне приходилось прикасаться к чему-то подобному. Вот почему я узнала фальшивую ноту в потоке там, в магазине. Этот давно забытый эпизод моей жизни я бы предпочла не вспоминать. Тогда дело происхо-

дило в том же торговом центре. Что за проклятое место? Но в тот раз шкура не была такой явной, физически осязаемой. Странное ощущение: словно мой давний кошмар воплотился в реальность, и теперь я держу его в руках. Тяжелый запах старья становится все сильнее и сильнее, отнимает воздух, поглощает его внутрь себя. Кажется, что сквозь открытку в наш мир вползает противоестественное пространство, вывернутое наизнанку и перекошенное, как в самом сумасшедшем доме на свете. Я пытаюсь сжать руку в кулак, пальцы слушаются меня медленно, с трудом, а открытка совсем не мнется, будто стальная. Мышцы затекают все сильнее, я даже голову не могу повернуть. Наверное, со стороны я сейчас похожа на восковую фигуру. Я пытаюсь думать. Еще раз прокручиваю в памяти сцену в магазине. Почему мне показалось, что на голове у парня мешок? Черт его знает, но теперь я понимаю, отчего я подумала, что он падает вниз словно уже мертв. Эта открытка убила его еще до того, как он сделал свой последний шаг. От этой мысли я впадаю в панику и начинаю считать предметы вокруг себя: напротив меня шесть подушек, спинка скамейки из двух широких досок, в подъезд ведут три кривые ступеньки. Такая у меня привычка: когда сильно нервничаю, начинаю все подряд пересчитывать. Обычно это успокаивает. Но сейчас я паникую так, что забываю цифры. «Один, два, три...» – считаю я голубей, которые топчутся на пустой детской площадке, и вдруг обнаруживаю, что не помню следующую цифру. Мне хочется за-

плакать, но слез почему-то нет.

– Привет, Пална! Ну и видуха у тебя! – Меня трясут за плечо. – Эй, Пална!

Илья! Он получил сообщение через SOS-открытку. Вот ни черта себе! Не думала, что его уже назначают дежурным. И почему я об этом ничего не знаю?!

Я пытаюсь сделать выразительные глаза и показать ему взглядом на открытку. Но он уже и сам все понял. Не глядя, Илья вырывает карточку у меня из рук и кладет на скамейку лицевой стороной вниз.

– Ну рассказывай.

Елки-палки, и этот туда же! «Рассказывай» – самое меркантильное слово. Смешно. Главное в этом мире – то, что можно увидеть и пощупать: бумага, ножницы, открытка. Однако отчего-то все, от кого здесь хоть что-нибудь мало-мальски зависит, до ужаса любят потребовать от тебя: «Рассказывай». Вот и Илья – парню еще и шестнадцати нет, а он уже умеет заявить это особым скрапбукерским тоном, не терпящим возражений.

Первым делом я глубоко вдыхаю. После удушающего запаха шкуры воздух вокруг сияет и пахнет солнцем. То, что час назад казалось удушливой жарой, становится для меня звенящим пространством, наполненным теплом и светом. Я с трудом встаю, разминаю затекшие руки и ноги и пытаюсь прийти в себя.

– Ты конверт принес? – спрашиваю я.

– Какой конверт? – в недоумении отвечает он.

– Ну как... У дежурного скрапбукера должен быть конверт-нейтрализатор.

– Пална... я не дежурный скрапбукер. Ты разве не в курсе?

– Тогда откуда ты узнал? И чего приперся? – Я ворчу, но на самом деле я так рада его видеть, что мне даже хочется кинуться ему на шею.

– Ну... – Он мнетя и поправляет очки.

– Рассказывай! – Я невольно передразниваю его тон.

Илья садится на скамейку, принимает виноватый вид, будто школьник, не выучивший урок, и сразу кажется младше. Я сдерживаю желание чмокнуть его в макушку, едва прикрытую ежиком светлых волос.

– Интересно было, зачем нужны эти ваши SOS-открытки, – объясняет он. – Я подобрал настройки и подключился к меркабурскому каналу, на котором они работают. Пришлось повозиться с дешифратором, но я смог разобраться.

Щеки у него слегка порозовели. Парень гордится собой и одновременно смущен.

– Нашелся меркабурский хакер, – ругаюсь я. – Понимаешь, как это опасно? А если Магрин узнает? Мне же отвечать! Ты обо мне подумал?

– Не узнает, Пална. И потом, я же тебя спас! – оправдывается он.

– А чего ты так долго?

– Как только сигнал получил, так сразу и примчался. Я вон там за кустом прятался, – показывает он. – Все ждал, когда появятся дежурные, и гадал, чего ты торчишь здесь столько времени, не сходя с места. Потом, как увидел, что достала открытку, не выдержал, подошел поближе. Как на твое лицо посмотрел, так сразу понял, что тебя пора тормозить.

– Мне кажется, я ее с полчаса разглядывала, – задумчиво говорю я.

– Две минуты, не больше, – возражает Илья.

– Вообще-то тебя надо наказать. Отобрать ножницы – хотя бы на недельку.

Он сначала морщится, как будто ему прописали горькое лекарство, а потом кивает и улыбается, мол, так ему и надо, и тогда я сдаюсь:

– На этот раз, так и быть, я сделаю исключение. – Он ждет еще чего-то. Я вздыхаю и добавляю: – Спасибо, Илья...

Он снова кивает и тут же переключается на другую тему:

– Что там, на открытке?

Сказать ему или не стоит?

– Илья, там... В общем, это открытка самоубийцы. Сегодня у меня на глазах парень выпрыгнул с пятого этажа и разбился насмерть. Эта карточка была у него в руках.

– Он сам ее сделал?

Молодец, парень. Сразу задает правильный вопрос.

– Нет, Илья, не сам.

Мы оба молчим, потому что оба знаем, что это означает. И

оба задаем себе мысленно один и тот же вопрос: где Магрин и дежурные скрапбукеры? Почему они не услышали сигнал SOS? И что теперь делать с открыткой самоубийцы? У кого просить помощи?

Глава вторая. Я могу вернуть вам то, что вы потеряли

Инга

1 июня, в половине пятого, время расставаться

Город

– Инга, ты не думаешь, что нам надо съездить в больницу? – спросила мама, переворачивая на сковороде блинчик. – Может понадобится помощь.

– В больницу? – Я поперхнулась чаем и закашлялась. – Мам, ты что, заболела?

Мама в свои пятьдесят с хвостиком отличалась отменным здоровьем и даже простудой умудрялась болеть реже меня.

Румяный блин шлепнулся на вершину аппетитной горки в тарелке, мама зачерпнула новую ложку теста.

– Ты что, заболела? – повторила я вопрос.

– А, что? – Она обернулась и мягко улыбнулась. – Нет, я прекрасно себя чувствую. Как всегда. А с чего ты решила?

– Зачем тогда ехать в больницу?

– В какую больницу?

– Мне показалось, что ты предложила мне поехать в больницу, – осторожно сказала я.

– Тебе послышалось. Это, наверное, телевизор у отца в

комнате.

Кристофоро Колумбо, да что это с ней сегодня? То вдруг застывает на месте, как будто ее выключили, то кладет в холодильник ножик, а через пять минут начинает искать его по всей кухне. Никогда раньше не замечала за ней такого. Или это у меня что-то не то с головой? С тех пор как я стала v.s. скрапбукером, я уже ни в чем не уверена. Нет, все-таки если с кем-то здесь и не все в порядке – так это с мамой. Шутка ли – два блинчика подгорели, да это же чрезвычайное происшествие вселенского масштаба!

Я бы ее расспросила, если бы не была уверена, что это бесполезно. Мама ужасно не любит говорить о неприятностях, даже если они случились не по ее вине. Она никогда мне не пожалуется и не спросит совета, в лучшем случае будет молча подавать глазами сигнал о помощи. Мама чувствует себя ответственной за все, что происходит в мире. Если она видит в новостях землетрясение в Японии, то пытается вспомнить, не она ли случайно зацепила каблуком тектоническую плиту. Что поделаешь, у всех скрапбукеров свои тараканы в голове.

«Да размышляет небось на ходу, над новым сложным заказом, – шепнул привычно-назойливый голос у меня в голове. – А в остальном все хорошо, правда же? Ты посмотри, какой блинчик! Это же олимпийский чемпион среди блинчиков!»

Я вздохнула, улыбнулась себе под нос и налила вторую

чашку чая. В самом деле, чего обращать внимание на всякую ерунду, когда сидишь на самой уютной кухне в мире. Меня ананасами с шампанским не корми – дай лишний раз забежать в гости к родителям. Я скучаю не только по ним, но и по моему старому, доброму дому, хотя последний год мне и не хватает кое-чего в пейзаже за окном. Дом – это место, где тебе улыбаются даже пятна на обоях и неловко торчащая из плинтуса шляпка гвоздя.

– Как ты можешь сидеть тут и спокойно чай пить после такого? – Мама поставила передо мной тарелку с блинами и села рядом.

Она смотрела на меня как в детстве, когда я приносила из школы двойку за поведение. Я такого взгляда на себе уже добрых пятнадцать лет не ощущала.

– После какого? Что-нибудь случилось? – Я отодвинула чашку и хотела взять ее за руку, но мама спрятала руки под столом и отвернулась.

– Случилось. То, чего боишься, всегда случается.

– Мам, не тяни, рассказывай.

– Может быть, это ты мне все сначала расскажешь? – Она уставилась на меня с таким болезненным выражением, что мне захотелось немедленно проверить, на месте ли у меня уши и нос.

Ага, значит, все дело опять во мне. Мы с мамой вечно спорим из-за моих открыток. Помню, как она ругалась из-за дурацкой истории с соседом. Мне ее и самой теперь стыдно

вспоминать, но это было совсем давно, когда я только начинала заниматься скрапом. Кристофоро Коломбо, как же меня тогда достал этот сосед сверху! Я была уверена, что у него десять ног и шесть рук, как у индийского бога Шивы, причем в пяти руках он держит по молотку, а в шестой – матюгальник и устраивает каждый вечер такую дискотеку, после которой наутро приходится ремонтировать полы. Ну я и состряпала для него открытку. Как сейчас помню: в тот момент, когда я ее делала, наверху у него отплясывали так горячо, что я пожелала ему немного остудиться. И, как я вспомнила гораздо позже, представляла себе при этом холодный душ. На следующий же день после того, как он получил открытку, я проснулась от звука капающей воды. Он затопил мне всю прихожую и кухню. Впрочем, своей цели я достигла, хоть и ненадолго: сосед простудился, потерял голос и пару недель провалялся в постели, забыв о ремонте и вечеринках.

Мама тогда устроила мне разнос и запретила требовать с него денег за ремонт. «Почему нельзя было просто пойти и поговорить с этим соседом? На худой конец, полицию вызвать», – говорила она. Мама всегда ворчит, когда я нарушаю технику безопасности, и терпеть не может, когда я пытаюсь решать с помощью открыток мелкие бытовые проблемы. Она считает, что это пустая трата нашего бесценного дара. Все равно, что играть на церковном органе собачий вальс. И Софья ей при каждом удобном случае поддакивает.

А я считаю, если у тебя есть в руках волшебный инстру-

мент, о котором другие могут только мечтать, то грех им не воспользоваться. Никто же не стирает руками в тазике, когда есть стиральная машинка.

На эту тему я готова спорить бесконечно – хоть с мамой, хоть с Софьей, хоть с Магриным, хоть со всеми тремя, и мне это ни капли не портит настроение. Я вообще всегда пребываю в отличном расположении духа, и тому есть вполне объективная причина, которая, впрочем, любому нормальному человеку покажется дикой. Вот чего я терпеть не могу – так это когда мама начинает переживать из-за подобной ерунды. Впрочем, когда дело касается детей, любая мама всегда найдет, из-за чего поволноваться.

Я принялась мучительно вспоминать, чего я такого могла натворить в последнее время. Учитывая, что скрапом занимаюсь не первый год, у меня давно есть под рукой полный арсенал открыток на все случаи жизни – от карточки для экстренного вытрезвления сантехников до универсальной VIP-корочки, которая открывает любую дверь, причем без очереди. Конечно, мама об этом ничего не знает.

– Иногда я думаю, что лучше бы ты подписала контракт, – вздохнула она.

Из-под меня чуть стул не выпал. Если мама и мечтала от чего-нибудь в этой жизни избавиться, так это от злополучного контракта с Магриным.

Я отодвинулась от стола, прижала руку к сердцу и торжественно заявила:

– Клянусь тебе своими ножницами, что от моих открыток в последнее время не пострадал ни один работник сферы обслуживания! И вообще, самое страшное, что может случиться с получателем моей открытки, – это если он помрет от радости.

Мама вздрогнула.

– Инга, не шути так. Меркабур шуток не любит.

– Ага, не любит, – рассмеялась я. – Скажи это своему Скраповику.

– Скраповик... – Мама почесала кончик уха и снова замерла, уставившись в одну точку.

Из любопытства я засекала время. Спустя полторы минуты она вздохнула, улыбнулась и посмотрела на меня совсем по-другому, словно и не думала ни в чем упрекать.

– Да, о чем это я? – спросила она.

– Мы говорили о Скраповике, – напомнила я.

– Как же я могла забыть! Я хотела показать тебе кое-что.

Она поспешила в комнату, а я вздохнула с облегчением – в ее движениях сквозила прежняя уверенность. Вскоре мама вернулась на кухню со своим скрап-альбомом. Вообще-то мало кто любит смотреть чужие альбомы, да и не все любят их показывать, как и семейные фотографии. Но только не мы с мамой! Все-таки Скраповик – ее хранитель – это немного и мой хранитель тоже.

Ненавижу эту дурацкую обязательку – вести альбом, но так уж предписывает Кодекс всем v.s. скрапбукерам. Еще бы ни-

чего альбом сам по себе, но ни в одном из них не обойтись без хранителя – несговорчивого домового, бестолковой секретарши и Фрекен Бок в одном флаконе. У меня язык не поворачивается назвать их «существами», но они уже и не люди в прямом смысле этого слова, хотя и были ими когда-то в нашем мире. Я люблю называть их «Человеками с Того Света», а сам Меркабур – «Тот Свет», от чего Софья со своим Магриным каждый раз нос воротят. Когда кто-то долго живет в тех краях, куда можно попасть только через открытку или альбом v.s. скрапбукера, он превращается в то, что сам о себе воображает. Люди с Того Света чем-то похожи на одиноких чудаков-художников, которые живут в своем маленьком мирке в какой-нибудь крохотной мастерской, заставленной холстами, скрипучими табуретками и чашками в чайных разводах. Те тоже – не от мира сего. Правда, в отличие от безобидных художников, хранитель обязательно оказывается самой вредной личностью, какую только можно встретить на том и этом свете. А ведь считается, что он должен быть помощником скрапбукера! И почему всегда так? Одному Меркабуру известно.

Скраповик – не исключение. С этим нахальным клоуном, которому в детстве плохо читали сказку про Мойдодыра, я познакомилась, когда мои родители пропали. Благодаря ему, собственно, и стала v.s. скрапбукером. Это длинная и запутанная история³. Вообще-то я по нему даже скучаю, учиты-

³ С историей о том, как Инга и Софья стали v.s. скрапбукерами, можно озна-

вая, что сейчас у меня такой хранитель, какого злейшему врагу в страшном сне не пожелаешь.

Мама раскрыла альбом, и на пол выпала открытка. Я подобрала карточку – никогда не видела ее раньше. На открытке карандашами была нарисована половинка знакомого лица, и здорово нарисована – совсем как живой! Если, конечно, хранителя можно назвать живым. Небритая щека, вечная ухмылка во взгляде, подтекший грим, торчащие сальные волосы и шляпа ядовитых цветов – зеленого и розового – кто бы мог раньше подумать, что подобная личность однажды вызовет у меня приступ нежности. Нарисованный Скраповик приставлял себе к горлу ладонь. Открытку украшали грязноватый шнурок, словно вынутый из его любимых кед, аппликация в виде связки надувных шариков и деревянная лодочка, напоминавшая о старом аттракционе в детском парке. Мамма миа, помню я эти лодочки! Я поддалась неожиданному порыву, поднесла открытку к лицу, вздрогнула и сморщилась. Пахло потом и немывтым телом, словно клоун стоял где-то рядом. Что за наваждение?

И только тут я заметила мамин взгляд.

– Мам, ты так смотришь на эту открытку, словно в ней спрятано секретное оружие, и сейчас сюда примчатся все спецслужбы мира.

– Инга, он ушел от меня, – сказала мама будничным тоном.

В ее голосе сквозила лишь нотка легкого сожаления, словно она говорила о разбитой чашке, и это поразило меня больше, чем смысл ее слов.

– Как это ушел? – спросила я. – Куда ушел? Разве они уходят?

– Я чувствую, что он не вернется, – вздохнула мама.

Любой нормальный человек на моем месте в первую очередь наверняка бы огорчился. Или забеспокоился. А скорее, и то и другое. И, может быть, побежал бы за валерьянкой – на всякий случай. Даже v.s. скрапбукер. А я иногда говорю то, что думаю, причем до того, как подумаю, стоит ли в принципе это говорить.

– Какой он классный на этой карточке! – сказала я маме. – Совсем как живой, зато не обзывается и не поучает. Это же мечта, а не хранитель!

И вовсе я даже не издевалась. Это все Аллегра. Я просто не могу не радоваться по любому поводу! Внутренняя радость – это мой крест. Если мне на ногу уронят батарею, я тут же обрадуюсь возможности поваляться в постели со сломанной ногой, а если посреди лета вдруг пойдет снег, я искренне порадуюсь за белых мишек в зоопарке. И моя специализация скрапбукера заключается в том же: я делаю открытки, которые радуют людей. В общем, такой скрапбукерский клоун, не хватает только красного носа и колпака. Мою внутреннюю радость я зову Аллегррой. А она мне каждый день повторяет: «Все самое худшее с тобой уже случилось – ты

родилась. Дальше будет только лучше». Никогда не забуду, как впервые услышала ее голос в Меркабуре и вдруг поняла, что она существует одновременно и внутри, и отдельно от меня. Шизофрения, конечно, но я как-то пытаюсь не сойти с ума. По крайней мере теперь я отлично разбираюсь, где мои собственные мысли, а где – ее вечно радостный голос. Аллегра напоминает мне ту старую песню, где у прекрасной маркизы застрелился муж и сгорел замок, а веселый голос поет ей: «А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо». Главное, повнимательней следить за тем, что говоришь окружающим, а то иногда люди думают, что я над ними издеваюсь.

Ничего, я уже привыкла. Жить буду – живут и с диагнозами похуже. А во всем виноват, между прочим, вот этот самый Скраповик. «Золотая моя, солнце моей души, ты даришь радость», – как сейчас помню эти его слова, которые он любил произносить, ковыряясь, по своему обыкновению, в носу.

Мама на мою неуместную радость не обратила ровным счетом никакого внимания. Она вздохнула и сказала:

– Инга, ты что-нибудь понимаешь? Мне кажется, что я уже слишком старая для скрапбукинга.

– Ну да, конечно, тебе и пенсионеры в автобусе место уступают.

Терпеть не могу, когда родители называют себя старыми. Маме никто не дает больше сорока. У нее нет ни одного се-

дого волоска, морщинки – крохотные и улыбочивые, а то, что она немного располнела в последнее время, – так это особенности конституции. Меня тоже худышкой не назовешь. А еще у нас обеих роскошные черные волосы – предмет зависти и моих подруг, и ее. Правда, мама в последнее время коротко стрижется, чтобы выглядеть моложе. В наши дни пятьдесят один – это еще не возраст и уж тем более не старость.

На кухню заглянул отец, налил себе чашку чая и увидел открытку.

– Это и есть ваш Скраповик?

– Как ты догадался? – удивилась я.

– По шляпе, мама рассказывала. Давно мечтал на него посмотреть. Честно говоря, я думал, что он симпатичнее.

– Это ты его еще в худшие времена не видел, – усмехнулась я.

– Твои слова – бальзам на мое сердце.

– Это почему? – удивилась я.

– Сразу вижу, что эта небритая рожа – мне не конкурент, – ответил отец и почесал бороду. – Шутка ли, столько лет жена встречается черт-знает-где черт-знает-с-кем. Теперь я его хоть в лицо знаю.

Папа взял блюдце и потянулся за блинами, но мама отодвинула тарелку и накрыла крышкой.

– Надь, ты что? Я вроде не на диете.

– Я их немного пережарила. Как бы у тебя желудок не заболел.

И тут из-под меня чуть снова стул не выпал. Во-первых, блины выдались отменные, во-вторых, как это – не дать отцу даже попробовать?! Мне захотелось проверить мамину температуру. Отец же отнесся к этому ее заявлению на удивление спокойно. Поставил блюдо на место, взял чашку и сказал:

– Извините, девочки, я вас покину, у меня там перевод горит...

Мне показалось, что, когда отец вышел, мама вздохнула с облегчением. Конечно, она ему ни за что в жизни ничего не расскажет о своих неприятностях, будет одной рукой ликвидировать потоп на кухне, а другой гладить ему рубашку.

– А почему ты решила, что Скраповик ушел? – спросила я.

– Разве ты не чувствуешь, что его больше нет в альбоме? – Мама приподняла брови.

– Могла бы уже привыкнуть, что твоя дочь не чувствительнее фонарного столба, – проворчала я.

Не люблю, когда меня тыкают носом в мои недостатки. Кристофоро Колумбо, они такие восприимчивые! Мама и Софья... Не успеют пуговицу в руки взять, а уже мне рассказывают, как чудесно она будет смотреться в свадебных приглашениях и как благоприятно повлияет на гостей – не даст приглашенным дяденькам упасть мордой в салат, а тетенькам – подарить невесте завалившийся на чердаке молочник из бабушкиной коллекции советской посуды.

Я так не умею. Для меня пуговица – это просто кругляшок с двумя дырками. Ну или с четырьмя. Я тоже скрапбукер, и у меня самая дурацкая специализация, какую только можно вообразить. Такая же нелепая, как в мире обычных людей – профессия переводчика пингвинов. Поэтому мне приходится следовать тому, во что верю я, – обычной человеческой логике.

– Ты сделала такой вывод только потому, что так чувствуешь? – Я вложила в голос весь свой скептицизм.

– Инга, ты, конечно, можешь не верить моему чутью, но в альбоме его больше нет, это точно, – сказала мама. – А в этой открытке – только след, отпечаток. Она пустая, как неудачная фотография.

Голос у нее был такой, словно она вот-вот заплачет.

– Мам, ты уверена? Может, я сама проверю?

Я взяла альбом и тут только заметила, что он как-то изменился. Последний раз мамин альбом я видела пару недель назад, и он был в отличном состоянии – хоть на выставку носи. А теперь он выглядит так, словно ему не меньше тридцати лет. Страницы пожелтели, уголки обтрепались, из ровных, аккуратно прошитых когда-то строчек торчат нитки. И пахнет так, словно его достали с музейной полки, – пылью, ветошью и старой бумагой. Я открыла последнюю, рабочую, страницу и обалдела.

– Мам, ты что? Это ты сама сделала? – вырвалось у меня.

– А что? – нахмурилась мама и заглянула в альбом. – Тебе

не нравится?

– Ну не то чтобы, но как-то не похоже на тебя.

«Мрачноватенько. Наверное, мама работает над вдохновлялкой для фильма ужасов, – сказала Аллегра. – Все-таки она у тебя мастер – высший класс!»

Страница была так же похожа на обычные мамины открытки, как собака Баскервилей на болонку.

Из альбома на меня смотрела птица с женским лицом. При всей несуразности ее облика, птица не лишена была своеобразной трагической гармонии. Она стояла на лапах-штампах, сложив крылья, вырезанные из книжных страниц с текстом, и такой же хвост, дополненный линейками с цифрами. На голове у птицы громоздились шестеренки и циферблаты, ветви деревьев, цифры и буквы.

– Семь штампов, – подсказала мама. – Я использовала семь штампов, чтобы сделать голову.

Фоном странице служили грубые синие мазки на ярко-красной основе, углы покрывали черные цветочные узоры. Птица сидела над пустым гнездом, сплетенным из спутанных белых ниток, одна из которых тянулась к ее хвосту. В уголке пять печатных букв складывались в слово «EMPTY». Из груди птицы торчала спичка, на конце которой сидела тяжелая черная буква «B».

Пустое гнездо, черные цветы, мелкие трещины на красном фоне – не нужно быть Софьей, чтобы увидеть в этой работе душевную боль. Дيو мио, что случилось с мамой?

«Только не вздумай залезать на эту безрадостную страницу!» – строго предупредила Аллегра. Если бы я каждый раз слушалась ее советов, то давно уже прослыла бы городской сумасшедшей. То предложит босиком по снегу побегать, то песню затянуть утром в автобусе.

Я привычно отмахнулась от Аллегры и попыталась войти в альбом, но страница не откликнулась и не пускала внутрь себя. Можно подумать, передо мной не альбом одного из лучших скрапбукеров города, а офисный перекидной календарь. Не отзывалась на мои прикосновения и открытка. Положим, у карточки может быть свой секрет, но с альбомом-то я хорошо знакома, я знаю, как войти в него, я много раз бывала в нем.

– Ведь сколько лет этим занимаюсь, но никогда не слышала, чтобы хранители уходили из альбома, – вздохнула мама.

– А что говорит Магрин?

– Я уже два дня пытаюсь его найти, но он как сквозь землю провалился.

– Давай позвоним Софье! Уж ей-то он всегда отвечает.

– Софье неудобно. Это же моя личная проблема.

– Неудобно квадрат вырезать круглыми ножницами, а это – важное дело.

Я набрала номер несколько раз, но телефон отзывался равнодушным «Извините, абонент недоступен или вне зоны действия сети».

– Давно Скраповик пропал из альбома?

Мама потянула себя за кончик уха. Она всегда так делает, когда задумывается, и я, кстати, тоже.

– Три дня назад его уже точно не было.

Вот так всегда. Родной дочери она все рассказывает в последнюю очередь. «Бережет тебя, конечно», – шепнула мне

Аллегра.

– Что же теперь делать? – произнесла мама таким безнадежным тоном, что до меня наконец-то дошло: в самом деле, происходит что-то из ряда вон выходящее.

– А откуда она вообще взялась, эта открытка? Просто выпала из Меркабура и нашлась между страниц альбома? – спросила я.

Ответить мама не успела, потому что почти одновременно у нас с ней затрезвонили мобильники. Мой пел про Фигаро, который то тут, то там, а мамин тренькал что-то унылое, чему любят подвывать собаки. В дождливую погоду у меня от ее звонка кости ломит.

Я глянула на экран и нажала кнопку отбоя: звонила соседка. Жутко утомляет меня своей болтовней, но иногда приходится ее терпеть, потому что она приглядывает за моими кошками, когда я куда-нибудь уезжаю. Кошки мне достались по наследству от тетки. Ненавижу шерсть, давно бы от них избавилась, но чувствую себя в долгу перед тетей Мартой. К тому же она небось за мной и с Того Света присматривает.

Пока мама отвечала на звонок, я встала и подошла к окну. На подоконнике, на кипе прочитанной прессы, лежала газета. В глаза мне бросился заголовок статьи: «*Поздравление со смертельным исходом*». Ох уж мне эта желтая пресса! Я машинально пробежалась глазами по строчкам:

«Трагический случай произошел на днях в одном из микрорайонов города. Девочка пятнадцати лет попыталась по-

кончить с собой, получив поздравительную открытку от своего возлюбленного. По словам ее матери, картинка на открытке носит издевательский характер. Сейчас девочка находится в больнице, ее жизни ничего не угрожает. Бойфренд (студент вуза), который прислал ей открытку, вот уже несколько дней не появляется ни дома, ни на учебе... »

Дочитать статью я не успела, потому что мой телефон снова запиликал, и я все-таки решила ответить. Когда услышала взволнованный голос соседки, места для мыслей в моей голове не осталось, потому что все заполнил ужас пополам с проклятой радостью.

– Пожар, Инга, пожар! У тебя квартира горит! Дымище валит из окна черный-пречерный, пожарные уже приехали.

– Тетя Марта! – заорала я. – У меня же там тетя Марта!

– Йоп твою мать! Я сейчас скажу пожарным, что там человек! – закричала в ответ соседка.

– Подожди! Это не человек!

Кристофоро Колумбо, ну и что мне теперь делать?! Как объяснить соседке, что тетя Марта живет в картине, висящей на стене? То есть живет она, конечно, не в самой картине, а в одном из меркабурских миров. Но что будет с этим миром и его обитателями, если картина-открытка сгорит? Одному Меркабуру ведомо.

– Кошки! – догадалась соседка. – У тебя новая кошка?

Мамма миа, там же еще и кошки!

– Две! Две кошки, Алла Борисовна и Филя! А тетей Мар-

той я иногда зову Аллу Борисовну. Для разнообразия.

– Ой, я же не сказала пожарным, что там кошки! Побегу – скажу, может, еще не поздно.

– Я уже еду!

Я бросила трубку и принялась листать список контактов в телефоне – с перепугу никак не могла вспомнить номер вызова такси. «Ух ты, здорово! Настоящий пожар! А какой ремонт потом можно будет закатить!» – вопила тем временем моя Аллегра вопреки всякому здравому смыслу.

– Едем? – коротко спросила мама. – Я сейчас быстро оденусь!

Я молча кивнула, потому что как раз называла оператору наш адрес.

– Куда поедете? – спросила девушка на том конце.

– Улица Комсомольская... – начала я, но меня перебила мама:

– Ты что?! Мы едем на Гагарина, пять.

– Мам, ну пожар-то у меня дома!

– Инга, пожар в мастерской!

– Куда поедете? – переспросила оператор.

– Девушка, пришлите, пожалуйста, две машины, одна поедет на Гагарина, 5, а другая – на Комсомольскую, – быстро сообразила я.

– Я ничего не понимаю, – растерянно посмотрела на меня мама.

– Тебе позвонила тетя Лена, да?

– Да. Она сказала, что в нашей мастерской пожар. Уже потушили, но говорит, что все выгорело дотла.

– Мам... ты только не волнуйся...

Нашла чего сказать! Нет более верного способа заставить человека нервничать до дрожи в коленках, чем попросить его не волноваться. Особенно если нужно сообщить вторую плохую новость подряд.

– Мама, мне звонила моя соседка. У меня дома тоже пожар, пожарные еще только приехали.

– Марта, – ахнула мама, закрыла рот руками и рухнула на табуретку. – Конечно, поезжай к себе. А я – в мастерскую...

– Мам, ты что, не понимаешь? Пожар сразу в двух квартирах! Такого случайно не бывает! Заметь, из трех наших квартир вот эта самая, где мы сейчас сидим, – последняя уцелевшая. Тебе надо остаться. Пусть папа поедет в мастерскую.

– Может быть, пусть лучше он останется? Все-таки это моя мастерская.

– Мам, ну ты сама подумай. Да пусть я всю жизнь буду одеваться на вьетнамском рынке, если эти два пожара не связаны со скрапбукингом! Да еще этот Скраповик... – Я махнула рукой в сторону открытки. – Теперь, может быть, они хотят нас обеих отсюда выманить.

– Кто они, Инга?

– Не знаю. – Я пожала плечами. – Какие-нибудь озверевшие хранители, которые умудрились выбраться наружу, и теперь у них окончательно съехала крыша.

– Инга, не говори глупостей.

– Все равно ты должна остаться. Или лучше вы вместе останьтесь. Я быстренько съезжу по обоим адресам.

– Нет-нет, пусть Кеша прямо сейчас едет в мастерскую. Ох, Инга, сердце кровью обливается. Ведь столько лет....

На наши вопли на кухню примчался отец. Мы как раз наперебой ему объясняли, что случилось, когда позвонили из службы такси и сообщили, что обе машины подъехали.

– Девочки, главное, сохраняйте спокойствие, – сказал папа, натягивая брюки. – Может быть, это всего лишь крохотный пожарчик, балкон обгорел или кусочек кухни, а у страха всегда глаза велики, особенно если это глаза соседей.

Определенно у моего отца и Аллегры есть что-то общее. Талант v.s. скрапбукера я унаследовала от мамы, а эту радостную заразу, судя по всему, от папы. В машине я всю дорогу нервно барабанила пальцами по стеклу, а Аллегра весело улюлюкала: «Ура! Приключения!» Я успела несколько раз набрать номер Софьи, но абонент упорно не отвечал. Не отзывалась и визитка Магрина.

Когда я подъехала к дому, стало ясно, что ремонт в квартире меня ждет капитальный. К моему черному, обуглившемуся окну тянулась пожарная лестница. О том, что внутри, даже и думать не хотелось. Я пыталась прикинуть, сколько этажей залило пеной, и вспомнить, оплатила ли я вовремя взносы по страховке. Ладно, если что, применим к страховому агенту открытку.

– Инга! – Кинулась мне навстречу соседка. – Слава богу, потушили. До нас не дошло – вот счастье-то, но гарью все провоняло, ужас-ужас. Кошек твоих спасли обеих! Пошли скорее!

Под окнами толпился народ, соседи и прохожие показывали на окно пальцами и что-то бурно обсуждали. Глаз сразу отметил странную девицу – высокую и лохматую, в сером халате вроде как из мешковины, полосатых гольфах и с большим круглым кулоном на шее. Скрапбукерша? Была бы я Софьей, точно бы сказала, она коллег за версту чует. Так или иначе, рожа подозрительная. Как бы не сперла чего из квартиры под шумок, если, конечно, там осталось что воровать. Пожарные возле машины сворачивали шланги. Рядом стоял полицейский с ручкой за ухом.

– Вот хозяйка, Инга, – представила меня соседка.

И тут взгляду моему явилось чудное и сердцу радостное зрелище. Здоровенный чумазый пожарный держал в руках мою драгоценную картину с тетей Мартой, на которой сидели, как на подносе, мой кот и кошка, накрепко вцепившись в раму с двух сторон. Аллочка Борисовна истошно мяукала, выпучив глаза, ее роскошная рыжая шуба свалялась клочками, запачкалась и нестерпимо воняла паленой шерстью, а Филечка мелко дрожал и подергивал хвостом. Когти на всех восьми лапах так глубоко ушли в раму, словно были стальными.

– Держите своих животных. Не смог оторвать от картины,

пришлось ее со стены снимать.

Я подхватила картину-поднос с кошками, с трудом удерживая в руках эту конструкцию с двумя упитанными тушками.

– Спасибо вам огромное! – Не люблю в этом признаваться, но в тот момент у меня на глазах выступили слезы.

– Йохоу! – вопила Аллегра. – Красивульки, какие же они у тебя красивульки! А пожарный, пожарный-то какой красавец!

Трудно было поспорить – хоть пожарный, если честно, и был чуть красивее гориллы, в тот момент я готова была признать его мистером Вселенная. Аллочка Борисовна с треском выдрала когти из рамы, спрыгнула на землю и прижалась к моим ногам взъерошенным испуганным клубком. Филечка последовал за ней.

– Вот ничего себе! Хозяйку-то как сразу признали, – изумился пожарный. – Там еще у вас клетка была, но пустая. Птичку-то мы не нашли.

– Птичка умерла в прошлом месяце, – вздохнула я. – Никак не решусь клетку выкинуть.

Я временно сдала кошек на попечение соседке и отправилась с картиной под мышкой обследовать состояние своего жилища. «Черная-пречерная комната», как из детской страшилки, – вот во что превратилась моя уютная квартирка-студия. Не пострадали только ванная и кусочек прихожей, впрочем, и там на стенах и одежде осела копоть. Да еще на сте-

не, где висела картина, осталось светлое пятно нетронутых обоев. Мебель превратилась в прогоревшую труху, нестерпимая вонь заставляла зажимать нос. Я не сразу поняла, что покореженная железяка в углу – это бывший холодильник. «Наконец-то сделаешь перепланировку и купишь новую кухню с посудомойкой», – радостно суежилась Аллегра. На полу валялась почерневшая клетка попугая Павлика. А некоторые, между прочим, умирать вздумали! Я со злостью пнула клетку. Что ты на это скажешь, Аллегра? «Вам с ним было весело», – отозвалась она. Я вспомнила хриплый голос: «Павлуша – крррасотулька!» – представила, как бы он сейчас сказал: «Кррругом урррродство!» – и улыбнулась, сдерживая слезы.

Полицейский, который представился дознавателем пожарной службы, долго выпытывал у меня, не храню ли я дома горючие жидкости, на какую сумму застрахована моя квартира и когда я последний раз была дома. Похоже, он подозревал, что это я сама ее подожгла. Потом уже я пыталась дознавателя. По всему выходило, что это весьма тщательный поджог.

– Такое впечатление, что квартиру по периметру облили бензином. Я был бы в этом уверен, но в помещении отсутствует характерный запах. И очаг пожара невозможно определить с первого взгляда. Будто все вспыхнуло разом и ментально сгорело еще до того, как приехали пожарные. И знаете, чего я никак в толк не возьму? – Полицейский поче-

сал в затылке.

– И чего же?

– Очень странно, что огонь не перекинулся ни на соседний балкон, ни на прихожую. И вот на этой стенке, – он показал на единственное светлое пятно на обоях, – почему-то не выгорел один участок. Может быть, вы его обрабатывали какой-то противопожарной пропиткой?

– Да, обрабатывала, – кивнула я. – У меня тут висела ценная картина, ее, кстати, спасли.

– А, ну тогда все понятно, – успокоился он. – Поэтому и кошки в нее вцепились, раз картина не горела. А что за состав такой?

– Не помню, давно покупала и выкинула упаковку.

Конечно же, ничем я не обрабатывала картину, но надо же было как-то объяснить ему эту странность. Зато теперь стало окончательно ясно, что это шуточки с Того Света. Или же Марта в состоянии была и сама позаботиться о своей открытке: вода внутрь тоже не попала, хотя рама была влажная и местами вспухла. Можно подумать, эта рамка была сразу бронебойной, несгораемой и непромокаемой, хотя я покупала ее в обычном магазине. Я достала платок и с нежностью протерла закопченное стекло, картинку под которым знала наизусть – на ней ажурный мостик вел от уютного белого домика к лазурному морю, двор утопал в цветах и деревьях и фонтанчик в виде ножниц играл струйками воды.

– У кого-нибудь есть ключи от вашей квартиры? Друг? Ро-

дители? – спросил полицейский. – Вы кому-нибудь их оставляете на время?

– Нет.

– Замок у вас в двери очень уж простенький.

Если бы он знал, какая тут стояла защита! О замках я не очень беспокоилась, потому что над дверью висела такая карточка, что туда против моей воли не смог бы вломиться и вооруженный до зубов спецназ. Даже эти ребята просто не заметили бы мою дверь. Ко мне не звонили продавцы волшебных кастрюль, меня не проводывал участковый и не беспокоили попрошайки. Даже пожарные предпочли влезть в квартиру через окно и открыть эту дверь изнутри. А теперь выходит, что кто-то сюда проник, хотя карточка все еще была на месте. Ключи от дома я изредка оставляла соседке, когда надо было присмотреть за кошками, но говорить об этом не стала, потому что соседка здесь, ясное дело, ни при чем.

– Уголовное дело будем возбуждать? – спросил, наконец, полицейский.

– В смысле?

Дознаватель тяжело вздохнул и принялся объяснять:

– Ну, поскольку здесь явно был поджог, я могу открыть уголовное дело и начать расследование. Но раз вы не знаете, кто бы мог или хотел устроить у вас пожар, – тут он сделал многозначительную паузу и внимательно посмотрел на меня, – то, скорее всего, оно все равно будет закрыто за отсутствием подозреваемого лица. Можно предположить, что по

периметру у вас была отделка из какого-то очень горючего материала, и в результате короткого замыкания проводки... Так что вы думаете?

Очень бы мне хотелось узнать, кто здесь устроил все это безобразие! Конечно, вряд ли в этом деле от полиции будет польза, но... чем черт не шутит?

– Спросите вашего коллегу, – ответила я.

– Какого коллегу? – не понял полицейский.

– Который вот прямо сейчас, в этот момент, расследует аналогичное происшествие в квартире, которая принадлежит моей маме.

Дознаватель вздохнул – на сей раз с видимым облегчением.

– Ну, раз такое дело, то в РОВД передадим.

Я с трудом дождалась, пока он оформит все бумаги, и помчалась на Гагарина. Стоит ли говорить, что я ни капли не удивилась, когда в мастерской обнаружила в точности такую же картину. Все аккуратно выгорело по периметру комнаты, совмещенной с кухней, в целостности и сохранности осталась только ванная. Бедная мама! Я решила не пускать ее в эту жуткую обугленную каморку, пока не сделаю здесь хотя бы черновую отделку. Она слишком расстроится.

Когда я была маленькой, мама не хотела говорить мне, что она – v.s. скрапбукер, поэтому каждый день честно ходила «на работу» в свою собственную мастерскую. Потом мы стали пользоваться этой однокомнатной квартиркой в спаль-

ном районе втроем: я, мама и Софья. Мама устраивала там для нас что-то вроде мастер-классов. А еще у нас там была огромная коллекция материалов для скрапбукинга, которую мама собирала много лет. Почти как музей, по сравнению с которым ассортимент в лавке дяди Саши – все равно, что книжная полка в супермаркете по сравнению с городской библиотекой. Самую длинную стену, теперь черную и в клочьях сажи, раньше сверху донизу занимали стеллажи – с бумагой, картоном, пуговицами, лентами, кружевами и архивом маминых заказов. И вот теперь все это превратилось в никому не нужную пустую черную комнату. Софья всегда говорила, что в этой квартире особенное пространство, наработанное и очень сильное, и называла его «духом мастерской». Что-то она теперь скажет про дух?

«Дух романьтизму, – отозвалась Аллегра. – Посиделки вокруг костра, хождение по горящим избам».

Между прочим, мастерская охранялась скрапбукерскими средствами еще почище моей квартиры: легче было украсть «Мону Лизу» из Лувра, чем лист бумаги оттуда. Пожарные не стали лезть через окно на шестой этаж, они выломали дверь, что, вероятно, не составило для них особого труда. Таковую древнюю дверь, обитую дерматином, еще поискать надо было в округе, все кругом давно поставили себе стальные, с хитроумными замками. Я вышла на площадку, потом в подъезд, но не нашла ни одной защитной карточки. Кристофоро Коломбо, хотела бы я посмотреть на того, кто оказался спо-

собен не просто обойти их все до единой, но еще и забрать!

Отца я обнаружила в ванной. В полумраке светился огонек его сигареты, он сидел на унитазе, положив ногу на ногу.

– Как ты думаешь, мама не будет ругаться, что я курю в квартире? – спросил он.

– Что сказали пожарные?

– Вашу мастерскую подожгли. Всю квартиру залили чем-то горючим, но без запаха, она загорелась мгновенно и со всех сторон сразу. Будут расследовать... А что у тебя?

– То же самое, – махнула я рукой.

– Я, конечно, подозревал, что ваша профессия несколько опасна, еще в тот раз, когда мы с мамой застряли в открытке. Но то, что случилось сегодня, уже как-то чересчур. Может, лучше вернешься к преподаванию итальянского?

– Ага и на гонорары переводчика сделаю шикарный ремонт в двух сожженных квартирах.

Отец вздохнул и спросил:

– Что мы скажем твоей маме?

– Скажи, что давно пора было избавиться от пыльной рухляди и лишних воспоминаний, – опередила меня Аллегра. – А мы тут все отремонтируем и поназаказываем через интернет новых современных материалов.

Нормальный человек в подобной ситуации рвет волосы у себя в одном месте. Лишиться сразу квартиры, всех вещей и, считай, любимого офиса со всеми рабочими материалами! Впору сесть и разреветься. У меня дрожали руки, я не на-

ходила себе места, но слова «уныние» и «расстройство» не могут иметь ничего общего с человеком, внутри у которого живет радость вроде моей Аллегры.

– Угостишь сигареткой? – попросила я отца, хотя курила очень редко.

– Вот еще, – хмыкнул он. – Иди в комнату, подыши там.

Некоторое время я бродила по грудам золы и каких-то обломков, происхождение которых трудно было сразу понять. Голова шла кругом – что теперь делать? Искать поджигателя или для начала пойти купить новую зубную щетку и пару трусов? Аллегра ехидничала: «Кто там недавно говорил, что кухонный гарнитур дома пора сменить, но жалко выкидывать? И диван в мастерской – ты же ненавидишь совковые скрипучие диваны? Кажется, это от него труха? Ты ведь давно хотела купить новый, но мама сопротивлялась».

Я поймала себя на мысли, что не пожар меня беспокоит больше всего. Самое нехорошее из того, что случилось, – исчезновение Скраповика. И что-то мне подсказывало, что пожаром дело не закончится. В сложно устроенном скрапбукерском мире случается иногда, что авторам открыток мстит кто-нибудь из получателей. Не каждый понимает, что скрап-открытка всего лишь ускоряет и усиливает те события, которые рано или поздно все равно бы произошли. Поэтому у любого v.s. скрапбукера есть свои средства защиты. И раз они не сработали ни в моей квартире, ни в мастерской, значит, мы имеем дело с Мастером с большой буквы. Я мучительно

перебирала в голове всех мало-мальски знакомых мне скрапбукеров и, на мой взгляд, единственным, кто смог бы обойти нашу защиту, был Магрин. Но зачем ему устраивать поджог?

Мамин архив заказов сгорел. Она вела когда-то черный альбом, куда вносила случаи, когда из-за открытки с получателем случались какие-нибудь неприятности. Можно было предположить, что поджигатель замечает следы, но при чем тут тогда моя квартира? Дома я почти не работала, в мастерской у меня всегда дело шло веселее, и кошки не мешались под ногами. Ну что же, чем хитрее этот загадочный поджигатель, тем интересней будет моя жизнь в ближайшее время. После того, что мне пришлось пережить, чтобы стать v.s. скрапбукером, меня ядерной бомбой не испугаешь, не то что парочкой пожаров.

Пока я ходила туда-сюда и думала, успела основательно вытоптать гору золы на месте бывших стеллажей и измазаться в саже. Белые летние туфли теперь можно смело выкидывать, а других-то у меня больше и нет. Я рассмеялась. Золотой феей я уже была, теперь превратилась в Золушку. Кажется, я с ног до головы пропахла гарью, словно закопченная на костре свиная тушка.

Захотелось проветриться. Я подошла к окну, распахнула пошире створки. Оконные стекла почему-то не лопнули от жара, только покрылись копотью, как и все вокруг. В комнату ворвался свежий летний ветерок, я облокотилась о под-

оконник, забыв, что он тоже черный, и высунулась подальше. Жизнь внизу шла своим чередом: бабушки восседали на скамейке, в песочнице копошилась детвора, на бордюре сидел помятый мужичок с банкой в руке.

«Фу, какое безрадостное существо, – шепнула мне Аллегра. – Смотреть противно». «Несимпатичное», – мысленно согласилась я и вздрогнула. С каких это пор моей Аллегре что-то не нравится? Я высунулась еще дальше и сразу поняла, что ей не по душе вовсе не местный алкаш, а серая фигурка рядом, которая, между прочим, смотрела прямо на меня, задрав голову. О, а я сегодня уже видела эту чучундру в халате а-ля холщовый мешок – это в такую-то жару! Вон и кулон на солнце сверкает. Мне невыносимо захотелось запустить в нее чем-нибудь тяжелым. Я ринулась вниз. Если это серое существо не имеет никакого отношения к пожарам, то я – Чарли Чаплин в юбке. Впрочем, это может быть и недалеко от истины. «В таком случае, я бы этим гордилась!» – весело поддакнула Аллегра, заставив меня тяжело вздохнуть.

Отец пытался приладить на место остатки двери.

– Папа! Мне надо бежать! Добирайся сам домой, ладно?

– Маме горячий привет! Еще дымящийся. – Папа был в своем репертуаре.

Когда я выскочила на улицу, серое существо маячило возле качелей в дальнем конце двора. Я помчалась прямо к нему, переходя с быстрого шага на легкий бег. Оказалось, что это совсем не та девица, которую я видела возле своего

дома. Та была взлохмаченная и высокая, а это существо – со стрижкой ежиком, как из психбольницы, низенькое, с грубоватыми чертами лица, и пол его определить было затруднительно. Объединяли их только два предмета: серый халат и уродливый кулон на шее. Под халатом существо носило рубашку в мелкий серый цветочек, по которой, опять-таки, непонятно было, мужчина передо мной или женщина.

«Фу, гадость», – проворчала Аллегра, и это было удивительнее всего – легче заставить памятник Ленину в городском сквере танцевать лезгинку, чем эту вечно радостную часть меня – обозвать что-то или кого-то «гадостью».

Существо бестолково топталось возле качелей и разглядывало окрестности с таким любопытством, словно стояло посреди Третьяковской галереи. Кого-то оно мне до боли напоминало, кого-то ужасно неприятного, из разряда тех, с кем приходится добровольно-принудительно сосуществовать, вроде стервозной коллеги или вредной соседки.

– Простите, где вы купили такое замечательное, хмм, одеяние? – Я за словом в карман не лезу, брякнула первое, что пришло в голову.

Существо обернулось, на мгновение уставилось на меня, состряпало на лице подобие ухмылки и принялось рыться в обширных карманах своего балахона. А потом внезапно, словно увидело разъяренного слона, бросилось улепетывать, смешно топоча короткими ножками. Ему повезло, что в туфлях на каблуках и с картиной под мышкой я не смогла его

догнать, иначе самые разъяренные слоны в мире показались бы этой стриженной башке милыми домашними хомячками. Когда я выскочила следом за серым балахоном со двора на улицу, того уже и след простыл.

Я набрала мамин номер, к счастью, она сразу же сняла трубку.

– Мам, я все объясню потом. Ты сейчас выгляни в окно, там у тебя не болтаются какие-нибудь личности в серых халатах, похожих на мешок из-под картошки?

– Одна такая только что заходила в гости, – ответила мама подозрительно ровным голосом, от которого у меня пренебрежительным образом засосало под ложечкой.

– Мам, ты в порядке?

– Тебе лучше приехать поскорее. Только Софью предупреди!

– Может, полицию вызвать?

– Не смейся мои колготки, как сказал бы отец, – усмехнулась мама, и я поняла, что все еще не так плохо.

Я вызвала такси, а пока ждала его, еще раз попыталась дозвониться до Софьи и Магрина. Телефон по-прежнему отвечал, что абонент недоступен, обе визитки молчали. Я уселась на скамейку, достала влажную салфетку и попыталась оттереть сажу с туфель. Какое там! Проще отмыть черный снег на дорогах весной.

Из подъезда вышла пожилая женщина в брюках, спортивных тапочках и рыбацкой жилетке с оттопыренными карма-

нами. В руках она несла несколько пластиковых коробочек от сметаны.

– Кис-кис-кис, – позвала она. – Кис-кис-кис, мои хорошие.

Из вентиляционной дыры в подвал высунулась морда с расцарапанным ухом. Еще одна, черная, с белым пятном на лбу, вынырнула из-под кустов. Со всех сторон к подъезду подтягивались кошки – одни худые и облезлые, другие чистые и совсем домашние на вид, первые бежали трусцой, вторые передвигались вальяжно и неторопливо.

– А это вам. – Старушка наклонилась и протянула мне конверт.

– Вы меня с кем-то путаете, – возразила я.

– Нет-нет, Кругляш просил передать именно вам.

– Какой еще Кругляш?

– Главкот, конечно.

Старушка отвернулась, расставила на земле коробочки и принялась доставать из карманов свертки с кошачьим кормом. Коты дружно замурчали. У одного доходяги дрожал от нетерпения задранный вверх хвост.

А я принялась разглядывать конверт. Он был сделан из крафт-бумаги⁴, большую часть лицевой стороны занимал полосатый воздушный шар, раскрашенный акрилом: полоска

⁴ Крафт-бумага – высокопрочная оберточная бумага, используется для упаковочных целей, а также изготовления бумажных изделий, обязанных быть прочными и износостойкими, обычно коричневого цвета.

белая, полоска желтая. В углу стояла монограмма «СК», а запечатан конверт был по старинке – восковой печатью, на которой отчетливо виднелись три процарапанных полоски, будто кошка прошлась когтями.

Где-то я уже видела эту монограмму... Старая Кошарня! Быть этого не может! Мы же поспорили с Софьей! Я была уверена, что это – городская легенда, и не более того: будто бы один раз в месяц, в полнолуние, коты, живущие в Старой Кошарне, исполняют одно желание одного из жителей города. Мы договорились, что каждая загадает по желанию, но в разные месяцы. Кажется, это было ранней весной, когда только-только начало пригревать солнце и запели птицы. Мы еще шутили, что в марте котам не до людей, потому что у них своих желаний полно. Значит, я оставила свое желание в марте, а Софья свое – в апреле. Я совершенно забыла об этом!

Я достала открытку.

«Квинтусенция! – завопила Аллегра. – Это же настоящая квинтусенция!»

Моя радость назло мне и моему филологическому образованию любит коверкать иностранные слова.

– Какая еще квинтусенция? – пробормотала я себе под нос.

«Ну как! Квинтусенция радости! Ты разве не знала, что кошки – это самые радостные на свете существа!»

– Я думала, радостней тебя никого не бывает, – сказала

я вслух.

Мужик с портфелем, стоявший возле домофона, посмотрел на меня с беспокойством.

– Очень маленькая гарнитура, – пояснила я ему на всякий случай. – Такие только недавно в магазинах появились.

Мужик улыбнулся и понимающе кивнул. Пожалуй, надо и в самом деле носить что-нибудь в ухе, чтобы не шокировать окружающих.

Квинтусенция-квинтусенцией, но какое отношение имеет эта карточка к моему желанию?

С открытки на меня смотрела выразительная кошачья морда. На одном ухе красовалась черная шляпа, а сам кот будто сидел за решеткой забора. Точнее, весь кот сидел, а глаза, в которых чудилась улыбка, – нет. Черт его знает, как это возможно, но впечатление складывалось именно такое. Судя по всему, автор открытки подразумевал забор небольшого садика. Во всяком случае, по периметру карточку обрамляли листья и подсолнухи со странными сердцевинами-шестеренками, а в правом верхнем углу вверх ногами примостился старинный велосипед. Правую половину открытки заполнял текст в несколько колонок, отпечатанный таким мелким шрифтом, что нельзя было разобрать ни строчки. Один кошачий глаз смотрел сквозь выпуклый монокль, отчего казался крупнее соседнего. Справа от монокля посреди страницы с текстом тянулась горизонтальная прорезь. И зачем, интересно, в открытке проделали эту дырку?

Карточка смотрелась стильно и оставляла ощущение некоторой сюрреалистичности. Вместе с тем было в ней что-то от незамысловатой механики, как в старинной игрушке.

scrapbookers.ru

«Красотулень!» – выразила свое мнение Аллегра. Я почти готова была с ней согласиться. Вот только какое отношение эта красотулень имеет к моему желанию?

Я отлично помнила каждое слово, что написала на листке бумаги перед тем, как сделать из него шарик и кинуть за ограду Кошарни.

Полгода назад я случайно подслушала разговор между Софьей и Магриным. Я как раз подходила к мастерской, а дверь была приоткрыта, и я услышала знакомые голоса. Конечно, не могла удержаться от любопытства. В уггах, в отличие от сапог на каблуках, можно бесшумно подкрасться даже к индейцу.

– Эмиль, давно хочу у тебя спросить... – Услышала я голос Софьи.

– Спрашивай. – Он согласился так охотно, что мне тут же захотелось войти и прервать эту милую беседу. Со мной Магрин никогда так не разговаривает! Однако любопытство пересилило.

– Как ты думаешь, почему у Инги все получается с таким трудом? – спросила Софья. – Она же соображает в десять раз быстрее меня, и вообще она такая вся деловая, шустрая, а как дело касается открыток, так ее будто подменили.

Я как это услышала, так и замерла за дверью, вся превратившись в слух.

– Помнишь, я тебе как-то говорил, что многие люди не понимают, кем они на самом деле являются?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать, что ей нужно найти источник своей силы и установить с ним связь.

– А ты бы мог ей помочь?

Помню, я тогда еще возмутилась – тоже мне, защитница нашлась, можно подумать, без нее не разберусь. Аллегра, напротив, пришла в растроганные чувства и бубнила мне в ухо: «До глубины души, до глубины души... Радость-то какая, радость!»

– Нет, Софья, я и так слишком много для нее сделал. Больше не могу вмешиваться.

Дио мио! Что это он для меня, интересно знать, сделал? Что-то не припомню от него ничего, кроме насмешек. «Благодаря ему ты прыгала с моста и ходила по раскаленным углям», – вставила Аллегра. И откуда она только об этом знает?

– Хорошо, а я могу ей помочь? – не сдавалась Софья. – Ведь это моя специализация – открывать чужие тайны.

– Ну ты ей можешь помочь только одним. Посоветуй ей поменьше думать.

– Это как?

И тут у меня как назло затрещал мобильник. Меньше думать! Что он хотел этим сказать? «Слишком умная», что ли? Конечно, когда я вошла, они оба сделали вид, что разговаривают совсем на другую тему, а Магрин тут же попрощался и ушел. Стоит ли говорить, что с тех пор только этот вопрос меня больше всего и мучил: как найти тот загадочный источник? Я пыталась заводить откровенные разговоры с мамой, но она или не понимала, о чем я говорю, или делала вид, что

не понимала. Я кормила пирожками дядю Сашу – и втихаря копалась в маминых архивах, но так и не нашла ответа. И Софья так ничего мне и не посоветовала. То ли не захотела, то ли постеснялась.

«Я хочу найти источник своей силы» – вот что я написала на том листке бумаги.

И при чем тут кот в шляпе?

– Аллегра, что думаешь? – спросила я.

– Меркабур скрывается в мелочах, – выдала Аллегра.

Я попробовала покрутить шестеренки и колесо велосипеда, погладила черную шляпу, все без толку – карточка не отзывалась.

– В малюсеньких мелочах, – сообщила Аллегра таким тоном, каким человеку, потерявшему очки, обычно говорят: «Они же у тебя на носу!»

Самая малюсенькая мелочь – это текст, настолько мелкий, что его невозможно прочесть. Вот если бы у меня была лупа... И тут меня осенило: очки! Монокль был заключен в небольшую оправу бронзового цвета, которая крепилась к открытке с помощью заклепки. Я уже пробовала сдвинуть его с места, но, пожалуй, слишком осторожно. Стоило приложить чуть больше усилий – и выпуклая линза съехала в сторону текста. Так вот зачем в открытке прорезь – чтобы по ней двигался монокль! Вскоре я убедилась, что на открытке много раз повторяются одни и те же строчки. В левой колонке:

«Смотрю на него и не вижу, поэтому называю его невидимым».

В правой колонке:

«Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышимым».

Кристофоро Колумбо! Это, конечно, многое проясняет. Наверное, это Софья решила так надо мной подшутить. Больше некому – никто не знает о нашем споре. Потом будет надо мной смеяться: мол, Инга так хотела, чтобы ее желание исполнилось, что поверила, будто коты и в самом деле способны творить чудеса.

Тут как раз подъехало такси, и я рванула прямо к ней. Вот спасу ее, а потом разберусь с этими шуточками. Квартира Софьи оказалась в целости и сохранности, во всяком случае, пожара там не было, и подозрительные личности вокруг не шастали. На звонки в дверь никто не отвечал. Я быстро настрочила записку, достала из сумочки ножницы, добавила нашу с ней фирменную защиту и прилепила бумажку скотчем на дверь. Теперь никто, кроме Софьи, мое послание увидеть не должен. И даже если его найдут серые холщовые личности, вряд ли в нем что-то поймут.

Потом я заехала к себе на Комсомольскую и забрала у соседки кошек, которые все еще выглядели слегка ошалевшими. Всю дорогу я ерзала на сиденье и почесывала кулаки. Вот доберусь до этих серых личностей – порву им халаты на британский флаг! Если это не они устроили оба поджога, то

завтра у меня вырастет третья нога. Скорей бы уж добраться до мамы!

– Инга, не езд, – ни с того ни с сего заявила Аллегра. – Не возвращайся туда.

– Почему? – возмутилась я вслух.

– Да вы не волнуйтесь! Там просто пробка сегодня, – ответил мне водитель.

– Будет нерадостно, – пробубнила Аллегра.

Вопреки всем ее предупреждениям, мне только еще больше захотелось поскорее оказаться дома. Да и куда еще мне было ехать, тем более с кошками?

Дверь я открыла своим ключом – и сразу выпустила кошек, которые поспешили забиться под кровать. Маму я обнаружила на кухне. Она сидела за столом перед открыткой со Скраповиком, рядом лежал альбом и коробка дорогих конфет. Казалось, что ничего больше не изменилось за те несколько часов, пока меня здесь не было. Разве что сумерки без спроса вползли в окно. Я включила свет, мама вздрогнула и спросила:

– Ну? Что?

– Хорошие новости – теперь можно смело делать ремонт, начиная прямо с черновой отделки.

– Знаешь... я сейчас поняла, что ожидала чего-то подобного, – вздохнула мама.

– Ожидала? – Я ушам своим не поверила.

– После разговора с Ша.

– С кем?

– С этой девушкой, ее зовут Ша.

– Дай угадаю, на ней был серый халат из мешковины и здоровый кулон на шее?

Мама кивнула.

– Двое в такой же одежде крутились возле наших сгоревших квартир. Она была лохматая или стриженная?

– С косичкой.

Вот тебе и на! Или весь город наводнен этими в халатах, или взлохмаченная девица, которую я видела возле своего дома на Комсомольской, заплела косу.

– И о чем вы с ней говорили?

– Она обещала мне что-то отдать. Или вернуть.

– Что?

– Я не помню. А потом... – Она потрепала себя за кончик уха и задумалась.

Я уселась за стол и тут только обратила внимание, что мама прячет что-то в ладонях. Мне захотелось сказать ей что-нибудь утешительное.

– Мам, ты не переживай, мы твою мастерскую быстро приведем в божеский вид – у меня же кое-какие накопления остались. А я пока у вас поживу.

– Мою мастерскую? – Мама нахмурилась. – Какую мастерскую?

– Твою квартиру на Гагарина.

– А, эту... Я так давно там не была, что совсем забыла про

нее. Может быть, продадим ее?

– Мам, ты что?! Мы же последний раз там занимались на прошлой неделе. Мастер-класс по работе с фольгой. Неужели ты не помнишь?

Мама помотала головой и разжала пальцы, на стол брякнулась тяжелая круглая штукавина.

– Что это за хрень? – спросила я с подозрением. – Очень похоже на кулоны, которые я видела на серых личностях.

– А кто тебе разрешит здесь жить? Я тебя не пущу. – Мама подняла глаза, и мне стало не по себе от ее взгляда. – Ключи отберу и замки поменяю. Это же моя квартира, разве нет?

Я так опешила, что у меня из головы все слова вылетели.

– Как ты могла так поступить? – У мамы был такой взгляд, будто я морю ее голодом.

– А... а... а что я сделала? – выдавила я из себя, изо всех сил пытаюсь сообразить, что же я такого успела натворить.

– Ты мне больше не дочь.

– Мам, ты что? Тебе плохо? – Я вскочила и приложила руку к ее лбу: холодный как лед.

«Ух ты, похоже, тебе скоро представится интереснейшая возможность», – пропел задорный голос у меня в голове. «Это какая»? – мысленно уточнила я. «Понаблюдать лично за работой психологов. А может, и психиатров», – хихикнула Аллегра, и мне захотелось ее придушить, но нельзя же придушить самое себя. «Заткнись», – отдала я про себя команду. Моя сладкая радость далеко не всегда меня слушается,

но на этот раз, grazie al cielo⁵, замолчала.

Я протянула руку к круглой штуковине, но мама опередила меня. Она спрятала предмет в ладони прежде, чем я успела его как следует разглядеть. Взгляд ее почти сразу же смягчился.

– Ты сможешь мне продать эту квартиру, Инга? Ремонт после пожара – это дорого и хлопотно. Я не потяну.

– Мы не будем ее продавать. Там же наработанное прошество, так считает Софья, а уж она-то знает, что говорит.

– Софья... – Мама нахмурилась, словно пыталась что-то вспомнить.

Она раскрыла ладонь, в которой блестел кругляшок бронзового цвета, и уставилась на него. Я пыталась разглядеть его получше, но перед глазами плыло какое-то темное пятно, мешало сфокусировать взгляд. Мама накрыла кругляшок другой рукой, и в ее ладонях что-то тихонько щелкнуло. Она закрыла глаза и принялась тихонько раскачиваться из стороны в сторону. Я положила руку себе на лоб. Голова горела огнем. Может, у меня лихорадка, и все это – просто бред?

– Инга, послушай очень внимательно, что я тебе сейчас скажу. – Мамин голос звучал деловито, она говорила быстро и четко.

Я напряглась и вся превратилась в слух.

– Пожалуйста, будь со мной осторожна и не верь всему, что я тебе говорю. Со мной происходит что-то странное. Вот

⁵ Слава Богу! (Итал.)

сейчас вроде бы голова встала на место, но это может длиться очень недолго. Я последнее время веду себя неадекватно. Я говорю тебе страшные вещи, и я даже не хочу признаваться тебе, почему я их говорю. Это ужасно, Инга, в меня словно бес вселяется. Потом я беру в руки эту штуковину и обо всем забываю. Не только о том, почему я говорю тебе все эти гадости, но и о многих других вещах тоже. Мою жизнь как будто постепенно стирают. Исчезают краски, звуки, запахи, ощущения, все становится каким-то тусклым, неинтересным. И это чувство – оно спасительное по сравнению с тем, что я испытываю, когда не держу эту штуковину в руках. Инга, послушай меня, тебе надо исчезнуть. И чем быстрее, тем лучше. Я боюсь, что это может случиться и с тобой тоже.

– Никуда я исчезать не собираюсь! Я тебе нужна тут.

В маминых руках снова что-то щелкнуло, и она раскрыла ладонь. Кулон повис на цепочке. Я протянула к нему руку, но она воскликнула:

– Не трогай!

– Не буду. Дай мне просто посмотреть на него.

Больше всего кругляшок напоминал старинные карманные часы без крышки. Только форма у него была странная – не круглая, а непропорциональная, криво выгнутая, словно он отражался в кривом зеркале. Циферблат или, скорее, отведенное под него место, поскольку ни одной цифры на нем не было, разделяла на две неровные части изогнутая линия. В одной части сгрудились в кучу винтики и шестеренки, в

другой спиралью сворачивалась бронзовая проволока, которая затягивала взгляд так, что начинало рябить в глазах. С одной стороны из корпуса сбоку торчал винтик, вроде колесика подзавода у часов, с другой стороны – небольшой бронзовый рычажок. Я качнула кулон пальцем, и он повернулся другой стороной: на обороте, обтянутом темно-коричневой кожей, был выдавлен вензель, похожий на крендель.

– Он меня с ума сводит. – Мама говорила медленно, словно через силу, ворочала словами, как камнями. – Или спасет... Я уже ни в чем не уверена.

– Странная штука, – задумчиво сказала я. – Поломанные часы?

– Инга, ты меня не слышишь? Он меня с ума сводит. А я ничего не могу, совсем ничего. – Она снова сжала кулон в ладони, сложила руки на столе и опустила голову.

Я не слышу?! Я услышала, и еще как. Услышала и внезапно четко и ясно ощутила пинок ногой под зад. Оказывается, такие мелочи, как пара пожаров, это для меня все равно, что три копейки потерять. Но когда мама – всегда мудрая, спокойная, уверенная в себе и надежная, как тросы, которые удерживают Останкинскую башню, – заявляет, что ничего не может, я готова голыми руками прорыть подземный ход до Австралии – лишь бы вернуть ее в нормальное состояние. Я уверена, что, если вдруг в мире случится глобальная катастрофа и останется один-единственный крохотный островок с десятком выживших людей, мама тут же их сорганизует,

построит дом, и уже через неделю мы будем пить там чай с блинами точно так же, как всю жизнь было на этой самой кухне. Кристофоро Коломбо, да что с ней такое творится?!

– Что тебе сказала эта Ша? Зачем ты ее вообще впустила? – Теперь я была настроена самым решительным образом.

– Я еще раньше поняла, что ничего не могу. – Во взгляде у мамы сквозили боль и усталость, словно она целый день ухаживала за тяжелыми больными. – Я хотела заглянуть в Меркабур, кое-что проверить. Мой альбом... Господи, во что он превратился!

Альбом, лежавший на столе, выцвел, словно пролежал несколько месяцев на солнце. Страницы вот-вот готовы были рассыпаться в труху, ручной переплет – предмет маминой гордости – треснул посередине, на стол из альбома высыпались несколько мелких украшений.

– Я вообще ничего не могу сделать, даже самую простенькую открытку, – продолжала мама. – И визитки молчат, все до единой.

– Визитки у меня тоже молчат, тут дело не в тебе, – хмуро вставила я.

– Инга, я больше не чувствую потока. Я жила, не расставаясь с ним, столько лет! Почти не помню себя в сознательном возрасте без Меркабура. У меня такое ощущение, словно я ослепла или оглохла. Или у меня вдруг стало черно-белое зрение. Это не жизнь моя теперь только из двух цветов, это я больше не способна различать оттенки.

– А как же контракт? Разве он не должен гарантировать тебе равновесие и постоянную связь с потоком. Ты ведь для этого всю жизнь работаешь на организацию.

– Хотела бы я задать этот вопрос Магрину, – вздохнула мама. – Боюсь, настали времена, когда и контракт не дает стопроцентных гарантий.

– Значит, ты можешь его спокойно расторгнуть. Раз они его нарушили.

Аллегра внутри меня проснулась и радостно запела: «Ты же больше всего на свете хотела сделать маму свободной от контракта!»

– Какая теперь разница... Стоит ли вообще говорить о контракте, если я больше не чувствую себя скрапбукером?

Я задумалась.

– Мам, а у тебя всегда в альбоме был Скраповик? С самого начала?

Мама молча кивнула.

– Может быть, если вернуть его назад...

Я не договорила, потому что поняла: мама уже думала об этом. Перед открыткой со Скраповиком лежала дорогая конфета в элегантной золотистой обертке. Больше всего на свете вредный клоун любил шоколадные конфеты. Впрочем, характер у него был такой противный, что мама старалась угощать его как можно реже, потому что это был единственный способ хоть как-то повлиять на него. Иногда я баловала его сама тайком – приклеивала на старые страницы альбома

обертки от самых вкусных конфет. Все-таки мы с ним были в некотором роде друзьями.

– Потом появилась Ша. Я не хотела открывать дверь... но она сразу сказала: «Я могу вернуть вам то, что вы потеряли», – произнесла мама.

– Ух, я этой Ше руки повыдергаю, когда доберусь до нее, – пробурчала я.

– Я спросила ее, имеет ли она в виду поток, мою связь с Меркабуром. Тогда она рассмеялась и спросила: «Разве это самое важное из того, что вы потеряли?» Я растерялась, и тогда Ша сказала...

Мама замолчала. Ее рука судорожно сжимала кулон.

– Что она сказала? Мам, не молчи!

На мамином лице отразилось выражение беспомощности.

– Инга, я не помню, – жалобно сказала она. – Я точно не помню. Кажется, она сказала что-то про птиц. Она обещала запереть моих птиц, или что-то вроде того. Но я очень хорошо помню, как на меня вдруг с новой силой нахлынули все эти жуткие мысли, которые последнее время не давали мне покоя. И я подумала, что она права: то, о чем она говорит, – именно то, чего мне так не хватает. У меня нашлись силы только кивнуть ей. И тогда она дала мне эту вещь. Такая же штука болталась у нее на шее. Она как-то назвала ее... я не запомнила. Сказала, что это прибор, который мне поможет.

– А что она потребовала взамен?

– Ничего. Она сказала, что это подарок.

– И она ушла? И ты ее просто так отпустила? Даже не спросила ничего? Откуда это, зачем, кто ее прислал? – У меня мозг готов был взорваться от вопросов.

– Инга, ты можешь себе представить, каково это, если ты вдруг останешься без потока?

– Могу. – Я надулась. – Жила я как-то без него предыдущие двадцать восемь лет. Это еще не повод брать в руки всякую гадость!

– А она живая, эта штука, – задумчиво сказала мама. – Поначалу мне показалось, что она очень меркабурская. Я как взяла ее, так и забыла про все на свете. Даже не заметила, как Ша ушла.

– И квартиру можно было замечательно обчистить, а потом спалить вместе с тобой.

Мама раскрыла ладонь и установилась на круглую штуковину со странным выражением лица. Так смотрит ребенок на дорогую игрушку, которую ему никогда не купят.

– Мама! Мам, посмотри на меня.

В ее глазах накопилась усталость. Слишком много усталости.

– Инга, это подделка. Я забыла, как называется эта штука, но поток в ней – не настоящий. И он сводит меня с ума.

– Как это – не настоящий?

– Это очень тонкое ощущение. Едва заметное. Если тебе подсунут что-то подобное, ты не сможешь отличить.

Вот опять она меня носом ткнула в мою скрапбукерскую

несостоятельность. Ну как так можно с родной дочерью? «Она просто очень за тебя беспокоится», – шепнула Аллегра.

Мама снова спрятала кулон в обеих ладонях и прикрыла глаза, словно прислушиваясь к чему-то.

– Эту штуку надо выкинуть или сломать, – твердо сказала я. – Это я тебе заявляю безо всяких там ощущений. Давай ее закопаем или в речке утопим. А еще лучше, подложим под асфальтовый каток.

– А завтра придет кто-нибудь еще с другой такой же штукой. Нет, Инга. – Мама упрямо покачала головой. – Надо разобраться, что это. Я попробую потихоньку, очень осторожно. Мне кажется, что я справлюсь. А тебе надо пока исчезнуть. Я не хочу, чтобы такие, как Ша, до тебя добрались.

Это уже было больше похоже на мою маму – она готова была действовать.

– Ты правда считаешь, что так будет лучше?

– Поверь моему опыту. – Она улыбнулась сквозь силу, и у меня на душе сразу стало как-то легче.

– И куда ты мне предлагаешь поехать? Махнуть в Турцию по горячей путевке и прохладиться на пляже, пока тут вокруг тебя и Софьи будут шастать подозрительные серые личности?

– Инга, тебе надо не уехать, а исчезнуть. – В глазах у мамы мелькнули искорки, и я вздохнула с облегчением: вот это уже моя самая настоящая, родная мама.

– Рассказывай, – с пониманием дела кивнула я, чувствуя, что сейчас она мне выдаст нечто сногшибательное.

– Тебе нужно найти безопасное место. Если с тобой случится то же, что и со мной, ты не сможешь мне помочь. Как найти такое место, я, кажется, знаю. – Мама потрепала кончик уха и добавила: – Я вот думаю: отдать тебе открытку со Скраповиком, или она может понадобиться мне здесь?

Тон ее стал обычным, деловитым, как будто просила меня подобрать помаду к новому костюму.

– Мам, а ты же мне так и не рассказала, откуда она взялась? Эта открытка?

– А, это... – Она нахмурилась и потерла кончик уха. – Слушай, я не могу вспомнить. Я забыла...

В конце концов, мы решили, что открытка останется у мамы. Я собиралась принять ванну, перекусить, привести в порядок кошек и попрощаться с папой перед тем, как «исчезнуть», но, как говорится, скрапбукер предполагает, а Меркабур располагает.

Родители живут на первом этаже, и я с детства привыкла, что прохожие иногда посматривают в наши окна, но, чтобы кто-то пытался специально заглянуть в комнату – такое бывало редко. Обычно у нас всегда задернуты легкие занавески. Когда мама вышла из кухни, все еще пряча кулон в обеих ладонях, я повернулась к окну и опешила от неожиданности. За окном торчали какие-то физиономии, прилепив к стеклу лист бумаги. Я отдернула шторку с самым решительным на-

мерением прогнать их, но слова застряли у меня в горле.

Подозрительных личностей за окном было трое. Три разные фигуры в одинаковых серых халатах: одна высокая, тощая и лохматая, другая – низенькая с коротким ежиком волос, третья – с волосами, уложенными в косу, – среднего роста и той степени полноты, которая делает женщину уютной, но не уродливой. Высокая расплющила нос о стекло, маленькая и курносая задирала подбородок и вытягивала шею, та, что с косичкой, тарасила на меня глаза цвета миндаля.

Первое впечатление оказалось ошибочным: к стеклу они прижимали не одну открытку, а три, которые вместе составляли общую картину. Я еще сначала подумала, чего это они все трое вцепились в одну карточку. Когда я в нее взгляделась, меня мороз по коже пробрал. «Кристофоро Колombo», – пробормотала я. В завораживающем кольце на открытке соединились птицы, убивающие друг друга. Цапля острым клювом насквозь протыкала грудь орла, распахнувшего крылья, по его оперению струилась кровь. Орел сидел на голове у пингвина, вцепившись когтями тому в глаза. У пингвина из-под крылышек тянулись рукоподобные конечности, покрытые перьями, которые откручивали цапле голову. Наметанный глаз успел отметить скраперские детали: складки tissue paper⁶ мастерски передавали фактуру оперения орла, в рисунке цапли удачно сочетались штампы и неж-

⁶ Tissue paper – очень тонкая оберточная бумага, часто используемая в скрапбукинге (англ.).

ная акварель, объемный силуэт пингвина выдавал хорошего специалиста по эмбоссингу⁷, а нелепый школьный воротничок у него на шее был выполнен из тончайших кружев.

В уголке я заметила вензель – такой же, как на круглой штуке с шестеренками, а потом мое внимание снова приковали к себе птицы.

У меня закружилась голова. По руке пробежал знакомый ветерок – дыхание Меркабура – и тут же стих. Я замерла, не в силах пошевелиться – передо мной был живой Павлик. Сначала я увидела только попугая, а потом поняла, что стою в своей квартире, целой и невредимой, а в клетке передо мной – мой любимец, из шеи у него торчит куцее перо, и он прихрамывает, как обычно, на одну лапку. Я глубоко вдохнула и поморщилась: в комнате стоял затхлый запах, будто здесь давно не проветривали.

«Павлуша», – позвала я тихонько. Он повернулся ко мне хвостом. «Павлик, красотулька, это же я», – сказала я громче. Я хотела открыть клетку, но на ней висел маленький блестящий замок. Бедный мой мальчик, у него же там нет ни воды, ни еды, ни его любимой газеты. «Павлуша, подожди, я сейчас освобожу тебя», – сказала я и бросилась к ящику с инструментами, но, как назло, не могла найти в нем ничего подходящего. Я вернулась обратно. Павлик молчал и, нахохлившись, переминался с лапки на лапку. «Скажи мне что-

⁷ Эмбоссинг – тиснение, техника в скрапбукинге для создания объемного рисунка.

нибудь», – попросила я его.

– Инга, не смотри! Не надо, Инга! – услышала я откуда-то мамин голос, потом меня кто-то схватил за руку и потянул от клетки.

– Подожди! Да отвяжись ты! – отмахнулась я и заорала на Павлика: – Ну чего ты молчишь, гадкая, самовлюбленная птица?!

Я глаз не могла оторвать от попугая, а руки мои между тем что-то нащупывали, комкали, складывали вокруг клетки. Павлик обернулся, вытянул шею и раскрыл клюв. Конечно, это же газета, его морковкой не корми – дай порвать в клочки газету. А что это я делаю? Я смотрела, словно со стороны, как мои руки обкладывают бумажными комками клетку, как я достаю из кармана зажигалку, как легко вспыхивает мятая бумага, как Павлик раскрывает короткие крылышки, вспрыгивает на жердочку и забивается в дальний угол клетки. Дио mio, что же я натворила! Я дернулась в порыве потушить огонь, но руки скрючились, словно их свело судорогой, пальцы едва шевелились.

– Инга, вернись. – Мама трясла меня за плечо.

– Да погоди ты!

Я не открывала глаз, я хотела досмотреть, чем все это закончится. Что за дикая фантазия? Мне бы никогда в жизни не пришло в голову поджигать клетку с Павликом!

– Фильсуффикация, – бубнила Аллегра. – Фильсуффикация, фильсуффикация, фильсуффикация.

Дио mio, да чего она там бормочет? Что еще за ерунда? Моя злополучная радость мешала мне сосредоточиться и как следует разглядеть картинку. Она вопила все громче и громче, если так можно выразиться по отношению к внутреннему голосу, во всяком случае, она перекрикивала все мои мысли. А я все еще смотрела, как огонь жадно лизал клетку, в которой металась, беззвучно открывая клюв, хромая птица.

– Ой, мы его теряем! – завопила Аллегра.

– Дурочка, да мы его давно потеряли, – прошептала я.

– Ой, и я потеряюсь! Ой, потеряюсь! – Теперь в голосе Аллегры звучало совершенно нехарактерное для нее отчаяние.

Комнату заполнил дым, каждый вдох теперь давался мне с трудом. Я попыталась вернуться в комнату к маме, вырваться с Того Света, но у меня никак не получалось.

А потом голос Аллегры стал приглушенным и далеким, словно доносился из-под ватного одеяла.

– Потеряюсь...

– Аллегра... ты чего... погоди, – с трудом выдавила из себя я, но ничего не услышала в ответ. Только глухая, вязкая тишина, только всполохи пламени, которые давно поглотили и клетку, и Павлика, и пожирают теперь последние остатки живого воздуха. – Аллегра, ты где? А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо, – тихонько напела я, подражая моей радости.

В плотном мареве, заполнившем комнату, я уловила запах, столь же неожиданно приятный, сколь и чуждый все-

му, что происходило вокруг. Аромат принес с собой радость, словно в толпе чужих людей я встретила старого доброго друга. Корица – так пахнут у мамы яблочный штрудель и вишневый пирог.

Раздался знакомый смешок, и мгновение спустя я ощутила на лице дыхание. Подул ветер, свежий весенний ветер – хулиганский, разноцветный, ветер, хранящий в себе сразу дождь и солнце. Языки пламени мгновенно погасли, дверца клетки распахнулась, в легкие ворвался прохладный воздух, а по груди у меня разлилась теплая боль. Эта боль рождала во мне странное удовлетворение, будто только ее я и ждала всю жизнь.

Мои ладони потеплели, я увидела Павлика и потянулась к нему, но клетка рассыпалась, и передо мной снова возникло окно, за которым ухмылялись три очень довольные физиономии. Я судорожно вдохнула, будто вынырнула на поверхность, рывком опустила жалюзи, бросилась в комнату, задвинула шторы и плюхнулась в кресло. Сердце колотилось как бешеное. Мама хмурилась и все еще сжимала в ладонях кулон.

– Это хулиганство. Я полицию вызову, – выпалила я, отдышавшись, хотя знала, что полиция нам тут не поможет.

Сумасшествие какое-то. Какая дикая, нелепая и вместе с тем достоверная, на первый взгляд, фантазия! Деталь к детали, каждая на своем месте, мастерская подделка, ловко подсунутая фальшивка.

«Ерунда, мы справимся. Обойдемся и без этого», – заявила Аллегра.

«Без чего, радость моя?» – мысленно спросила я.

«Мы с тобой кое-что потеряли. Кое-что очень радостное».

– Господи, Инга, как страшно было на тебя смотреть. –

Мама нервно теребила в руке цепочку от кругляшка. – Что там было? Что ты увидела в той открытке?

– Фальсификацию, – ответила я.

– Инга! Альбом! Проверь свой альбом!

Я притащила из прихожей сумку и вывалила на стол ее содержимое. Есть вещи, с которыми скрапбукер никогда не расстается. В первую очередь, это ножницы – тяжелые, старинные, с бронзовыми ручками и украшениями в виде крохотных бабочек. Без таких не сделать ни одной открытки. А я еще повсюду таскаю за собой свой альбом. Это уже паранойя, но ничего не могу с собой поделать. Я специально выпросила у дяди Саши небольшую, компактную обложку, хотя он и ворчал, что так не полагается.

Едва я взяла в руки альбом, как сразу почувствовала знакомый запах. Новенькая пластиковая обложка парадоксальным образом пахла старой, пыльной бумагой. Я раскрыла его на последней странице, которую сделала на прошлой неделе.

– Кристофоро Колумбо! – вырвалось у меня.

Страничка выглядела так, словно ее жестоко измяли, а потом расправили обратно. Картон сморщился, машинные строчки оборваны, штампы расплылись, бумажная лента на-

половину оторвана. Белая когда-то подложка посерела, словно ее много раз брали грязными пальцами.

«А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо, – пропела Аллегра. – Да, мы кое-что потеряли, но мы справимся, потому что мы – самые радостные в мире штучки!»

Я посмотрела на мамин альбом, и сердце болезненно сжалось – он вот-вот превратится в труху. Конечно, до самой радостной в мире штучки мне далеко, как муравью – до луны, но всерьез огорчиться я не могу, это правда. Ведь мама когда-нибудь сделает новый альбом, не хуже прежнего.

– Оно так все и началось, да? – спросила я у мамы. – Они показали тебе эту открытку с птицами?

– Я не помню никакой открытки, – покачала головой мама.

Мы синхронно, не сговариваясь, потрепали себя за кончик уха. В этой задачке у меня что-то не сходилось. Я осторожно отодвинула шторку и краем глаза выглянула за окно. В летних сумерках отчетливо разглядела на той стороне двора две знакомые фигуры – одну высокую и лохматую, другую пониже, с коротким ежиком волос. Чучундры в халатах поглядывали то на окно, то на карточки у себя в руках. Третья куда-то исчезла.

Похоже, и у меня есть все шансы скоро увидеть своего хранителя на открытке. Вообще-то я бы не прочь от него избавиться, но забыть заодно полжизни, как мама?

– Они у меня допрыгаются. – Я схватила скалку и кинулась к двери.

– Инга! С ума сошла! Это опасно, и толку не будет! Пожалуйста! – Мама попыталась преградить мне дорогу, но куда там.

– Прятаться, что ли, от них? Вот еще! – Я сунула ноги в туфли.

– Инга, ты сейчас можешь потерять связь с потоком, – спокойно сказала она. – Вот прямо сейчас.

– Что? – Я остановилась как вкопанная. – Ты уверена в этом?

– Посмотри! – Она потрясла у меня перед носом разворотом моего альбома. – Видишь, еще одна страница меняется?

Никогда не думала, что это так больно: смотреть, как рассыпается в прах твоя работа. Мне пришлось приложить поистине героические усилия, чтобы стать v.s. скрапбукером. Меньше всего на свете я хотела бы расстаться с миром, который обрела с таким трудом, и лишиться своей новой, горячо любимой специальности. Не могла я позволить каким-то серым личностям отобрать у меня все это! «Мы не позволим», – радостно подхватила Аллегра.

Я верила маме, верила ее огромному скрапбукерскому опыту, верила чутью, которого у меня не было. Поэтому задала только один вопрос:

– Что ты предлагаешь?

– Они тебя зацепили. Тебе надо исчезнуть прямо сейчас,

чтобы они потеряли всякую связь с тобой. По-другому процесс не остановить. И ждать больше нельзя, – сказала мама тем тоном, каким в детстве отправляла меня в постель, и я поняла, что спорить бесполезно.

– Ты тут справишься одна?

Она надела на шею кулон.

– У нас с тобой нет других вариантов.

«Мы исчезнем, мы исчезнем. Самый радостный вариант, это точно!», – подхватила Аллегра. Как ни странно, мне сразу стало легче, будто кто-то очень важный и серьезный разрешил мне оставить маму одну.

Дальше я помню все урывками. Как я целовала кошачьи морды, как мама совала в мою сумочку вещи и поспешно что-то объясняла, как она задергивала шторы и доставала из тайника свою знаменитую открытку с каруселью. Последнее, что я запомнила, – теплые мамины руки на своих плечах. Как ни силилась потом, не могла вспомнить выражение ее лица. Только тепло, которое втекало в мои плечи, и радостный мячик, который вопреки всякому моему желанию перекачивался в животе в предвкушении приключения. Потом я помню знакомое головокружение, десять секунд подкатывающей к горлу тошноты и родное ощущение потока. Пахло чем-то смутно знакомым.

Когда я открыла глаза, на улице давно стемнело. Отозвалась в груди смутно знакомая, приятная боль – и тут же стихла. Я полулежала в кресле с сумочкой на коленях в незнако-

мой комнате с высокими потолками. Голова трещала, словно меня огрели по затылку. В ушах звенело.

В окна сквозь занавеску проникал слабый свет фонаря и окон соседнего дома. Я с трудом приподнялась и огляделась. Почти все пространство комнаты занимал рояль, по углам стояли большие колонки, а у дальней стены на разложенном диване похрапывал какой-то человек. Что-то едва не выскользнуло у меня из рук, но я успела его подхватить – это был мой альбом.

Я тихонько сняла туфли и на цыпочках подкралась к окну. При свете фонаря я долго разглядывала страницу альбома, водила по ней пальцами. Она выглядела так же, как и сразу после создания – гладкий картон, ровные строчки, целая белая ленточка. Можно подумать, что испорченная страница мне приснилась. Убедившись, что альбом в порядке, я выглянула на улицу и увидела унылый, мало чем примечательный двор: трех-четырёхэтажные домики, растрескавшаяся штукатурка в подтеках, покосившиеся сараюхи, кривой асфальт и утопленные в землю окна цокольных этажей. Даже навскидку я могла вспомнить не меньше пяти районов в разных частях города, где из окон мог бы открываться подобный вид.

Но почему именно здесь? Мама сказала, что карусель сама подберет для меня самое безопасное место. Я никак не ожидала, что таким местом окажется обычная квартира, да еще чужая. И куда мне теперь спрятаться до утра, пока этот

человек не уйдет на работу? И потом, может быть, здесь живет кто-то еще.

Глаза потихоньку привыкали к темноте. В комнате пахло, как в старых домах или музеях, – вековой сыростью и обветшавшей историей. А звенело вовсе не в ушах, это от сквозняка тихонько качались под потолком поблескивающие трубочки – «музыка ветра». Ох, не люблю я весь этот фэн-шуй! «Красотутень, и звучит мелодичненько», – пропела Аллегра.

Я хотела выглянуть в коридор, но в потемках споткнулась о какой-то провод и упала на пол со страшным грохотом. Вдобавок к этому на мою многострадальную голову что-то обрушилось сверху.

Пока я поднималась и ощупывала конечности, человек в постели застонал, потом щелкнул выключатель, и в свете красного абажура на меня уставилась сонная физиономия незнакомого мужчины.

– Добрый вечер, – сказала я самым вежливым и дружелюбным тоном, на какой только была способна. – Ничего, если я здесь поживу немного?

Глава третья. Берегись советских грузчиков, даже если они женщины

Софья

*2 июня, утром, ближе к одиннадцати, время как следует
все обдумать*

Меркабур

Жизнь надо мной издевается. Меня все время делают начальником, и никто меня не спрашивает, хочу я этого или нет. Руководитель из меня, как из кота – ездовая собака. Я представила, как тяну по сугробам навстречу выюге тяжелые сани, а меня подгоняют плеткой по бокам двое улюлюкающих подростков. Очень похоже на правду. По всему выходит, что я теперь осталась за старшую, а им только дай волю – веревки из меня сплетут, еще и лапти смастерят. Эх, вот Инга бы на моем месте построила их на раз-два. Я и сама ее иногда побаиваюсь. Интересно, где она сейчас и что делает? Вот уж кому никакие открытки не страшны. За приоткрытой дверью раздается кваканье лягушки, которое будто подтверждает эту мысль.

Мои размышления прерывает риторический вопрос Ильи:

– Кто закроеет дверь?

– Не смешно, Илья, – ворчу я и чувствую себя старухой.

Эльза устало смотрит на него, дверь с грохотом захлопывается. Я вздрагиваю и лезу пальцем себе в ухо. Это она нарочно нас оглушила, не может деревянная дверь так громко хлопать. Выражение лица Ильи сменяется на обиженное. Теперь будет дуться, как ребенок. Девчонка способнее его на порядок. Если бы у скрапбукеров были спортивные разряды, она бы уже давно получила кандидата в мастера спорта, пока парень сдавал бы норматив на третий разряд. Сегодня все на нервах, вот они и срываются на ни в чем не повинной двери.

Мы сидим втроем в Простоквашино. Так Илья окрестил меркабурский мирок моей скрап-визитки, и это название к ней прицепилось намертво. Это самое безопасное место для встречи, какое знаю, у меня тут спокойно, как в бункере. Я не самый общительный человек, поэтому достать меня через визитку довольно-таки трудно, если сама этого не захочу. Я бы вообще не стала делать себе никаких визиток, но Эмиль сказал, что надо. А теперь я ему благодарна за это.

Так всегда бывает – сначала не хочу его даже слушать, а потом понимаю, что он был прав. Я привязалась к этому несуществующему местечку – здесь потрескивают в печке дрова, за окошком всегда льет дождь или валит снег, на столе стоит старый облезлый чайник с дурацкой ручкой, которую приходится держать двумя руками, а внутри него плещется травяной чай. В моем меркабурском домике все из дерева:

полы и стены, стол и стулья, на стенах висят вышитые рушники, а под ногами лежат плетеные коврики. Можно устроиться на печке, свернувшись калачиком под лоскутным одеялом, и лопать печенье со сгущенкой. А кто скажет, что это не самый обычный способ принимать клиентов, тот просто не видел других визиток.

Сегодня в окно стучит теплый летний дождик, пахнет травой и мокрым деревом, а в чайнике заваривается душица с мятой. Вечерок мог бы быть уютно-идиллическим, если бы не события последних двух дней, которые всех нас держат в напряжении. Еще нет и полудня, а я уже себя чувствую неимоверно уставшей.

– Я все равно опять дверь открою, – ворчит Илья. – Ты же знаешь, Пална.

Илья – мой подопечный. Так уж вышло, что я за ним присматриваю. Пару лет назад парень здорово набедокурил, и ему еще повезло, что для него все не так плохо кончилось. Теперь он обязан заключить контракт на три года, но лишь после того, как Эмиль его допустит к работе. Илья уже четыре раза пытался сдать Магрину экзамен, но у него ничего не вышло. А пока что я отвечаю за парня, и он обязан подчиняться мне во всем, что касается v.s. скрапбукинга. Илья такой же послушный, как все нормальные подростки. Подсчитать невозможно, сколько раз мне за него влетало от Эмиля! И все-таки я ни одной минуты не жалею, что взялась опекать мальчишку. Когда мы встретились первый раз, он был ниже

меня на голову, называл меня на «вы» и «Софья Павловна», а теперь, когда я смотрю на него снизу вверх, осталось только «Пална».

– Я такую цифровую модель сделаю, что эту дверь вообще никто закрыть не сможет!

Эльза щелкает пальцами – и дверь исчезает. На ее месте появляется еще одно окно, точное такое же, как соседнее, в него стучит дождь, струйки воды стекают по стеклу, в углу в паутине застряла муха.

Визитная карточка v.s. скрапбукера отличается от всех остальных открыток тем, что мир внутри нее можно творить на ходу по собственному желанию. У каждого мастера – своя манера делать это. Кто-то машет волшебной палочкой и читает заклинания, кто-то рисует кисточкой картинки, а Илья считает себя кем-то средним между радиоинженером-любителем и 3D-моделистом. Он уверен, что подобрал шестнадцатиразрядный ключ к моей визитке и подстроил так, что дверь в мою избушку открывается сама, как только ему захочется. На самом деле, я сразу заметила эту его неуклюжую попытку, но не стала останавливать парня и даже ничего ему не сказала. Илья знает, что мир визитки нельзя изменить без согласия ее хозяина, но, как и все подростки, считает, что правила к нему не относятся. Поначалу я хотела как-нибудь проучить Илью, но потом Эльза в ответ повесила на дверь чугунный замок, и я решила не вмешиваться. Пусть лучше развлекаются с дверью, чем делают друг другу пакости в ре-

альном мире.

Разумеется, цифровая модель визитки, так же как и меркабурский канал с дешифратором для SOS-открыток, – это просто смешно. Нет никаких каналов и шифров, все гораздо проще и сложнее одновременно. Но парню так проще, поэтому я его не разубеждаю. А Эльза считает ниже своего достоинства что-то ему объяснять. Я пока точно не знаю, какая у Ильи специализация, но наверняка это что-то, связанное с компьютерами. Может быть, однажды он напишет вдохновлялку для разработчиков нового суперкомпьютера или его возьмут на работу в какую-нибудь «фруктовую» фирму.

Илью со дня на день ждут обычные выпускные экзамены в школе, он собирается поступать в технический вуз и твердо верит, что, получив аттестат, уж наверняка сдаст тот особый экзамен, который освободит его от моей опеки. Но я подозреваю, что у него опять ничего не выйдет, и вовсе не из-за того, что он не умеет делать открытки. Просто парень еще не готов для этой работы – слишком много мнит о себе.

Можно бесконечно играть с дверью, но рано или поздно придется решать, что нам теперь делать. Мне кажется, что во всем мире из v.s. скрапбукеров сейчас остались только мы трое – трое из Простоквашино.

– Хватит. Больше эту дверь никто не трогает, – твердо говорю я и возвращаю дверь на место.

Илья вздыхает. Эльза отворачивается.

Ночью я почти не спала, встала рано и провела утро в

тщетных поисках. Перебрала одну за другой все визитки, какие у меня были, но ответила только Эльза. Заглянув в кафе, где часто завтракал Эмиль, поговорила с официантами: за последние два дня его никто не видел. Магазинчик дяди Саши по-прежнему был закрыт. Со вчерашнего дня едва ли не каждые пять минут я пыталась дозвониться Инге или Надежде Петровне. Телефоны отзывались одинаково, мобильные сообщали: «Абонент временно недоступен», городские ограничивались длинными гудками.

В конце концов я помчалась в мастерскую. Надеялась найти хоть какую-то помощь, по меньшей мере рассчитывала порыться в архивах, а в итоге лишний раз убедилась, что на свете существуют вещи, которых лучше никогда не видеть.

Мастерская была для меня самым светлым и наработанным пространством, какое только может существовать в этом мире. Просто находиться там уже было здорово. Поток в мастерской проявлял себя в форме невидимого зверя, опасного в своей привлекательности. Стоит только войти – и он ластится к рукам, и одновременно заигрывает, и манит за собой – туда, где нельзя терять над собой контроль, как альпиниста – непокоренная вершина.

Обычно, еще подходя к дому, я поднимала голову, видела, как играет поток в знакомых окнах, и замечала, что сразу ускоряю шаг и начинаю улыбаться. Сегодняшним утром все было по-другому. Дико взволнованная, я мчалась вперед, отгоняя одну невеселую мысль за другой. Я даже не сразу

заметила, что дверь выглядит так, будто ее выламывали. Когда вошла, окончательно убедилась, что мир перевернулся. В тот момент во мне умерла последняя надежда, что все это – неудачная шутка, нелепая проверка или просто дурной сон.

Я сбежала. Кажется, даже дверь за собой не закрыла. Впрочем, это неважно, ведь красть там теперь нечего. Я подумала, что если задержусь там еще хотя бы на секундо-чку, то наверняка сойду с ума. Потому что моя любимая мастерская, мое лучшее на земле место, стала вывернутым наизнанку пространством, из которого хотелось убежать, заорав во всю глотку: «Заберите меня отсюда!» Уже потом, на улице, я поняла, что в квартире случился пожар. А первым моим впечатлением было чувство, словно я провалилась в открытку с черным сюрсом, открытку самоубийцы – ту самую, что сейчас пряталась в секретном месте в моей настоящей комнате и мучила нас всех.

Как мне не хватает Магрина! Кажется, я не умею без него жить.

– Где его искать? – спрашиваю я у Эльзы.

– Не знаю.

– Эльза, он же твой отец. Неужели ты даже номера телефона не знаешь?

– Нет.

Эльза всегда немногословна. Она – как плотно закрытый черный ящик, который изображен у нее на визитке. Обычно я чую вранье за версту, но с Эльзой никогда не могу понять,

говорит ли она правду. Сейчас она лежит на печке, подложив руки под голову, и смотрит на меня сверху. С отцом у нее только две общие черты, которые, тем не менее, делают их удивительно похожими: круглые серые глаза слегка навывкате и редкая способность внимать собеседнику. Только Эмиль – как зеркало: смотришь на него – и рассказываешь, словно самому себе, а от взгляда этой маленькой колючки бегут по спине мурашки. Стоит ей только появиться в комнате, как все сразу начинают чувствовать себя неловко, пересаживаться с места на место, менять позы и вздыхать, не отдавая себе отчета почему.

– Всегда все надеются только на него. Великий Магрин! Уж он-то знает, что делать, – говорит она.

Эльза и на вид – колючка. Только напоминает не ежика, а скорее дикобраза. Волосы у нее длинные и почти всегда заплетены в несколько косичек, из которых торчат, будто иголки, серебристые поблескивающие шнурки. Она круглый год ходит черная как негр – без конца загорает в солярии, как бы ни ругался по этому поводу Эмиль. На плече у нее татуировка в виде бабочки с монадой «инь-ян» на одном крыле. Эльза худенькая, в любое время года носит джинсы и черные майки в облипочку, хотя к ее загорелой коже лучше пошел бы белый цвет. У нее очень взрослое лицо и такие же манеры поведения – в жизни не скажешь, что она почти ровесница Ильи. Парень хоть и вымахал как оглобля, но выражение лица у него немного детское, и двигается он неуклюже, словно

не знает, как теперь управляться с телом, когда руки и ноги стали такие длинные. Эльза выглядит лет на пять старше.

– Вы сами-то без Магрина хоть на что-нибудь способны? – спрашивает Эльза, и мне хочется ее стукнуть.

Она, не задумываясь, втыкает иголки в больные места – на это у нее слова всегда находятся. И называет меня на «вы» – держит дистанцию. Может быть, как и многие другие, она уверена, что наши с Эмилем отношения выходят за рамки деловых и дружеских? И ревнует меня к отцу?

Никто не знает ни номера телефона Эмиля, ни его адреса. Есть только визитка – золотые буквы на черном бархате и пестрые облака из настоящих перьев, воздушных и чуть желтоватых. Подуешь на облака – и они оживают, плывут по открытке, как по настоящему небу. А потом отзывается Эмиль: или звонит, или мы встречаемся по ту сторону визитки, в Меркабуре. Вот только уже второй день его карточка не откликается.

– Эльза, что ты думаешь насчет открытки?

– Чего тут думать, Пална! – вмешивается Илья. – Это же вирус, как в компьютере. Вредоносная программа.

Я морщусь, мнение Ильи меня не интересует. Помолчал бы он! Впрочем, я уверена, что девчонка не ответит. Но я ошибаюсь.

– Отдайте мне ее. – Эльза смотрит очень серьезно, и я впервые вижу настоящий интерес в ее глазах.

Эмиль привел дочь к Надежде Петровне почти сразу же,

как мы начали заниматься в мастерской. Мама Инги устроила для нас с ней что-то вроде школы или кружка, и Магрин попросил взять к нам Эльзу. Кто знает, что за хитрые тараканы прячутся у девчонки в голове, если даже Магрин не может с ней справиться. Хотя, наверное, мог бы, если бы не был ее отцом. Одно ясно: в тихом омуте черти – это про Эльзу, она способна выкинуть такой фортель, что никому мало не покажется.

Сомневаюсь, что Эльза находила для себя в наших занятиях хоть какую-то пользу. Обычно она забиралась с ногами в кресло, уткнувшись подбородком между острых коленок, и смотрела на нас снисходительно-равнодушно. С таким видом министры и градоначальники смотрят из года в год повторяющийся концерт по случаю какого-нибудь народного праздника. Эльза почти все время молчала, на вопросы неугомонной Инги отвечала односложно, а в конце занятия неизменно вежливо говорила: «Спасибо». Мне всегда казалось, что на голове у нее – маленькая хрустальная корона. Первый раз вижу, как ей чего-то очень сильно хочется.

– Отдайте мне открытку! Я разберусь. – Эльза спрыгивает с печки и берет меня за руку, пальцы у нее цепкие и неожиданно горячие. – Вы же не знаете, что я могу.

Ударение на слове «что» прозвучало так, словно она может одним взглядом переместить в Африку Ледовитый океан и воскресить Джона Леннона. Она не сказала «умею», она сказала «могу» и этим сразу поставила себя на ступеньку вы-

ше нас с Ильей.

– Эльза, если с тобой что-нибудь случится, он мне не простит.

– А мне он простит, если с вами что-нибудь случится? – парирует Эльза.

Какой же она все-таки противной умеет быть!

– Против вредоносной программы можно написать программу-антивирус, – встревает Илья. – Вот бы узнать, как работает конверт-нейтрализатор! Пална, может, лучше мне отдашь?

Теперь уже мне хочется стукнуть Илью. Иногда он меня жутко раздражает! Я и так с утра злюсь из-за всей этой истории. Была бы у меня боксерская груша, я бы сейчас излупила ее в клочья.

– Илья, ты помнишь, что я за тебя головой отвечаю? – в миллионный раз напоминаю я. – Компьютерные вирусы, в отличие от открытки, не убивают.

– Вы не справитесь с этой карточкой, – говорит Эльза без тени издевки. – Вы ее боитесь. Отдайте ее мне.

– Ты что, Элька?! Ничего наша Пална не боится! Раз говорит тебе, что нельзя, значит, нельзя. – Илья снимает очки, щурится и трет глаза.

Эльза усмехается и щелкает пальцами. Ох и не люблю я этот ее жест! Но сейчас позволяю – любопытно же. На белой стене печки появляется картинка: собачка, высунув язык, выслуживается перед маленькой остроносой хозяйкой, похо-

жей на старуху Шапокляк. Это я, что ли? Совсем не похожа.

Илья достает из кармана коммуникатор и принимается щелкать пальцем по экрану. Формулу картинки вычисляет? Жалко парня, до уровня Эльзы ему не дотянуться, даже если он превратится в суперкомпьютер. Игрушка у него в руках – его собственная модель: посередине внизу – кнопка с ножницами, и такие же классические скрапбукерские ножницы, только со всеми деталями – крохотными бабочками на ручках и отточенными лезвиями – выгравированы на задней крышке.

Я достаю из кармана маленький фонарик – и луч света стирает картинку. Так я рисую мир внутри своей визитки. Не успеваю закончить, как в окно ударяет порыв ветра, створка распахивается, до меня долетают брызги дождя. Я чувствую, как по лицу текут капли, хоть и не плачу, и в этом есть что-то символичное. Сосредотачиваюсь, ловлю дыхание потока и мысленно пытаюсь закрыть окно. Ничего не выходит. Тогда я подхожу к окну, захлопываю створку и протираю тряпкой мокрый подоконник.

Усталость обнимает меня за плечи, будто висит сзади тяжелый рюкзак. Ужасно хочется потихоньку смыться из собственной визитки. Это все равно, что убежать из дома. Но если я хочу отсюда исчезнуть, значит, это уже не дом? Так никуда не годится. Надо взять себя в руки и попытаться еще раз переубедить девчонку.

– Эльза, лучшее, что ты можешь сделать, – найти своего

отца. Дело не в том, великий Магрин или нет, главное, что он может попросить помощи у своей организации. Может быть, ты знаешь еще кого-то оттуда? Кураторов из других городов?

– Организация? Что вы знаете про организацию? – Эльза усмехается и смотрит на меня снисходительно и даже чутьточку покровительственно, как пятиклассник – на младшего брата-перваша.

– Самое престижное и надежное место работы для любого v.s. скрапбукера, – вмешивается Илья. – Идеальные условия, стопроцентная безопасность, гарантированный доход.

– Я спросила: «что вы знаете», а не «как они себя рекламируют». – Эльза безжалостна.

– А вот зря ты не веришь, – бурчит себе под нос Илья.

– Организация вам не поможет, – говорит девчонка с полной уверенностью в голосе. – Отдайте карточку мне. Я знаю про нее то, чего не знаете вы.

– И что же? – хором спрашиваем мы с Илей.

– Обещаете отдать мне открытку, если я расскажу?

– Посмотрим, – уклончиво отвечаю я, хотя на самом деле очень хочу услышать ее ответ.

– Как хотите. – Девчонка забирается обратно на печку и усаживается по-турецки, наклонив голову набок, словно к чему-то прислушивается.

– Эльза, скажи хотя бы, ты тоже думаешь, что тот парень не сделал ее сам?

– Это не имеет значения, – говорит Эльза.

– Почему? – удивляюсь я. – По-моему, это самое важное.

«Не навреди намеренно» – так гласит первое предупреждение Кодекса. Меркабур сам оберегает наш мир от дурных поступков скрапбукеров. Если вложить в карточку намерение причинить боль или страдание, Меркабур резонирует и станет для автора открытки воплощением самых чудовищных человеческих фантазий. Говорят, что раньше, пока не было Кодекса, некоторые сходили с ума. Именно об этом мы с Ильей подумали поначалу – если самоубийца нарушил Кодекс, а потом сделал эту открытку, значит, все логично, и на этом печальная история заканчивается. Увы, как только я пришла в себя, то сразу почувствовала, что автор открытки, скорее всего, не он.

Порыв ветра заставляет оконное стекло задрезжаться. Печная труба отвечает гулким завыванием.

– Хорошо, – неожиданно соглашается Эльза. – Я расскажу кое-что. Думаю, в открытке самоубийцы есть что-то, искажающее поток. И это что-то – живое. Илья прав: оно похоже на вирус или скорее на паразита. Питается потоком и выдает наружу продукт переработки. И эта Тварь там сидит не случайно. Ее туда специально посадили. Это мог сделать и автор открытки, и кто-то совсем другой. Поэтому неважно, кто сделал саму открытку. И поэтому нельзя сказать наверняка, кто ее автор. Это все равно, что пытаться узнать человека в кривом зеркале.

– Хочешь сказать, из-за этой Твари парень бросился из

окна? Но почему?

– Наверное, посчитал, что так лучше, чем напиться таблеток или кинуться под поезд, – невозмутимо отвечает Эльза.

Я бросаю на нее выразительный взгляд. Вот все бы ей ехидничать! Эльза не обращает на меня внимания, продолжает. Сегодня в ее интонациях гораздо больше эмоций, чем обычно. Похожа на обычную девчонку, которая пересказывает подружкам увлекательный фильм.

– Поток возвращается наружу в искаженном виде, в этом вся суть. Я пока не разобралась, то ли эта Тварь сама его коверкает, как младенец – новое слово, то ли просто выгребает из Меркабура всякую муть. Подозреваю, что человека начинают преследовать кошмары, многократно усиленные потоком, как увеличителем. Не знаю, как им удастся заманить эту Тварь в открытку, но представляете эффект? Человек делает убийственную карточку и спокойно себе гуляет, он тут как бы и ни при чем. Первое предупреждение Кодекса для него не срабатывает! Конечно, простому получателю открытки, который не пропускает поток сквозь себя, скорее всего, ничего не будет. Может, страшный сон приснится или настроение испортится. А в голове у v.s. скрапбукера все это оживает. Он запросто может сойти с ума или покончить с собой.

– Откуда ты все это знаешь? – Мне не хочется верить ее словам, хоть и чувствую, что девчонка права.

– Я видела открытку. – Эльза пожимает плечами и свешивает с печки ноги.

Обладеть можно! И она все это поняла, один раз мельком взглянув на карточку?! Или она что-то слышала об этом раньше? А я-то считала себя самым восприимчивым скрап-букером.

– Если эта штука – вирус, то она должна размножаться сама, – размышляет вслух Илья.

– Типун тебе на язык! – Я даже думать о таком не хочу.

Голова идет кругом, усталость наваливается с утроенной силой, словно невидимый рюкзак за спиной промок и потяжелел.

– Софья Павловна! – говорит Эльза. – Отдайте мне, пожалуйста, эту открытку. Мне нужно с ней поработать.

Я ушам своим не верю: никогда она меня так не называла! Она вообще не называла по имени ни меня, ни Ингу, ни Надежду Петровну – спасибо, что не выражалась в духе «Эй, ты!»

– Ну хочешь, мы с тобой вместе займемся этой карточкой? – предлагаю я. – Или ладно, пусть даже ты одна, но только в моем присутствии. Илья пусть тоже будет рядом, подстрахует. С этой штукой нельзя иметь дело в одиночку!

– Так ничего не выйдет. – Эльза кривит рот, и ее лицо становится некрасивым. – Вы боитесь этой открытки, я не смогу в вашем присутствии с ней работать. А Илья просто будет мне мешать: он слишком грубо обращается с потоком, а тут нужна очень тонкая работа.

– Много ты понимаешь! – возмущается Илья. – Да я эту

вашу открытку в два счета разберу, найду твою заразу и сделаю антивирус!

– Она не моя. И это ты ничего не понимаешь. Ты никогда не сможешь работать с такими вещами, как эта. Ты другой. – Эльза смотрит на него без издевки, скорее грустно, с сочувствием.

– Пална, она же обнаглела! Скажи ты ей... Чего она меня в негры записала!

На этот раз я согласна с Ильей. Действительно, что она о себе возомнила, эта девчонка?! Я ни разу не видела ни одной ее открытки, не слышала, чтобы она говорила что-то по делу во время наших занятий. Все, что я знаю, – у нее по-настоящему классные способности, это я чувствую без всяких доказательств. Но способности – еще не все, нужен опыт, мастерство, знания, в конце концов! А единственная ее работа, которую я видела, – это игрушки с дверью в моей визитке. Что, если она все придумала про Тварь? Надо найти в себе смелость, еще раз заглянуть в открытку самоубийцы и разобраться, права девчонка или нет. При мысли о *той* карточке перед глазами снова встает черная шкура. На миг – на один-единственный миг – мне в голову закрадывается мысль: «Жаль, что Эльза не может просто стащить у меня открытку!» Но я тут же гоню ее прочь.

– Хватит, – твердо говорю я. – Открытка пока останется у меня. Давайте возвращаться.

Эльза спрыгивает с печки на пол. У меня кружится голо-

ва, плывет стол перед глазами. Табуретка под Ильей шатается, он с трудом удерживается на ней, вскакивает и хватается за стену. Это не голова идет кругом, это земля под ногами качается. Все ходит ходуном, падает с грохотом чайник, крышка откатывается в сторону, и по полу растекается лужа, дверца отскакивает от печки, на пол выпрыгивают угли, катятся в лужу и там с шипением замирают. С полка падает на пол посуда и с грохотом разбивается вдребезги. Я достаю фонарик и пытаюсь остановить это безобразие. В конце концов, это мой собственный мир, это я – его хозяйка! Но ничего не выходит, лишь луч света бестолково мечется по стенам и потолку, а все остальное меня не слушается.

Кажется, что все вокруг качается, кроме Эльзы. С печки падает лоскутное одеяло, табуретка подпрыгивает и переворачивается на бок, пол перед печкой принимаются лизать языки пламени, и только девчонка спокойна и невозмутима. Ее как будто прилепили сюда из другой картинки, другого фильма, и землетрясение вокруг ее совершенно не касается. Елки-палки, неужели это все она? Я же разрешила ей играть только с дверью! Да и я тоже молодец – нашла кому палец в рот положить.

– Я просила по-хорошему, – говорит она ровным тоном, словно сообщает прогноз погоды.

– Эльза, какого черта? Что ты творишь? – перекрикиваю я грохот.

Она щелкает пальцами и исчезает. Я уже не первый год

бываю в Меркабуре, но никак не могу привыкнуть к таким вот исчезновениям. Слишком реальным здесь все выглядит, в этом мире. Каждый раз впадаю на некоторое время в ступор, пока не соображу, что это нормально, и я не сошла с ума.

– Пална, давай сваливать, – кричит мне Илья.

Он снова достает из кармана коммуникатор, нажимает кнопку с ножницами, держит ее некоторое время и вскоре исчезает вслед за девчонкой. Без цифр и кнопок он в Меркабуре не способен ни на что, как художник без красок или карандаша. Я тоже пытаюсь вернуться – закрываю глаза и жду привычного легкого головокружения. Через некоторое время наступает тишина. Снова открываю глаза и ничего не понимаю – передо мной по-прежнему мое Простоквашино, только пол перестал качаться под ногами, и все опять стоит на своих местах: дверца печи закрыта, за ней уютно потрескивает огонь, чайник по-прежнему на столе, посуда в целости и сохранности – на полках.

И тогда я совершаю самое нелепое действие, какое только можно себе представить, – распахиваю дверь и выбегаю наружу, под дождь. Мечусь по дорожкам небольшого садика, рубашка намокает и прилипает к телу, холод пробирается внутрь, босые ноги скользят по грязи. Руки дрожат, в голове – ни одной мысли. Я дергаю дверцу калитки, но она не открывается. Как в компьютерной игре, здесь нельзя выбежать за пределы прорисованного пространства.

Как это называется – меркабуроклаустрофобия?

Неужели меня больше нет в реальном мире?

Я никогда не задумывалась, как я это делаю – выхожу из Меркабура. Просто закрываю глаза – и готово, даже не успеваю сформулировать намерение. Пробую еще раз, но ничего не выходит. Черт, я что, застряла здесь?! Неужели мы торчали тут слишком долго? Быть такого не может, я бы почувствовала. И потом, ладно Эльза, но Илья ведь тоже вернулся! У меня противно сосет под ложечкой, когда я напоминаю себе, что благодаря Илье двое замечательных людей однажды едва не остались навсегда в Меркабуре. Что, если они с Эльзой сговорились? Бред, быть этого не может. Илья прекрасно знает, что после такого он никогда не сдаст экзамен Магрину.

Дождь прекратился, а небо приобрело странный оттенок. Высота, спрятанная за неплотными низкими облаками, стала насыщенно синего цвета. Вот только не разобрать, то ли это голубое дневное небо, то ли густые ярко-фиолетовые тучи.

Надо успокоиться. Я глубоко дышу и медленно считаю цветы на клумбе. На девятом цветке слышу, как наверху что-то скрипит, словно открывается ржавая дверца. До меня не сразу доходит, что источник звука – флюгер на крыше моего домика. Никогда его раньше тут не видела. Откуда он взялся? Тоже Эльзины штучки? Стрелка флюгера указывает налево. Вместо «оперения» на хвосте у нее раскрытые ножницы, а посередине красуется кораблик с надутыми парусами.

На гордо поднятом флажке вырезана буква «М». Чуть покачиваясь из стороны в сторону, флюгер издает протяжный скрип.

Моя рубашка уже высохла – есть в меркабурских мирах свои преимущества. Я иду в том направлении, куда указывает флюгер. Там, где раньше была ограда садика, где виднелось поле и лес вдаль, теперь стоит плотная зеленая стена из высоких, ровно подстриженных кустов, посреди которых открывается проход. Несколько шагов – и я оказываюсь за пределами садика. Босыми ногами приятно ступать по мягкой и теплой, чуть влажной траве, пахнувшей летним утром. Спустя десяток метров зеленый коридор разделяется на два, потом еще на два, потом я утыкаюсь в перекресток из трех направлений. Вокруг меня бесконечный лабиринт, колючие стены из кустарника, сквозь которые не пролезть и по которым нельзя вскарабкаться наверх. Я пытаюсь вернуться назад по своим следам, но примятая трава слишком быстро распрямляется, возвращаясь к своей заданной форме – идеального газона. Я пришла из левого коридора или из правого? Можно бродить здесь часами, не находя выхода и не оставляя следов. Что за глупые шуточки?

Не хочу играть в чужую игру. Наверняка это все Эльзины штучки, а я не хочу играть по ее правилам. Я ложусь в траву, смотрю в небо и пытаюсь разгадать секрет синего оттенка. Небо заключено в прямоугольник из зеленых стен. Синее – в зеленой рамке. Я думаю о том, что все это – ненасто-

ящее. Нелепая фантазия, игра чьего-то ума. Мне вспоминается картинка из детского журнала: нарисованный лабиринт, в центре которого желтый сырный кружок, а где-то с краю сидит мышка. В детстве я много раз видела такие картинки и карандашом рисовала дорожку от мышки к сыру. Не знаю, что за приз меня ждет, если выберусь отсюда, но надеюсь, что это – возвращение в реальный мир. Я не готова к тому, чтобы жить в Меркабуре. Жаль, нет никого, кто мог бы взять карандаш и нарисовать для меня дорожку.

Елки-палки, но я ведь скрапбукер! И нахожусь внутри собственной визитки! Фонарик все еще у меня в кармане, и в этом мире у него никогда не закончатся батарейки. Я поспешно встаю и достаю фонарик. Луч света скользит по кустам. Сначала представляю себе, как он прорезает в зеленой стене проход, будто лазер в фантастическом фильме. Потом воображаю, что кусты растворяются в пространстве, словно кто-то выключил проектор, который транслировал изображение. Потом мысленно рисую картинку: листья стремительно опадают, и сквозь голые ветки я вижу правильную дорогу.

С кустами ровным счетом ничего не происходит.

Я подставляю под луч света раскрытую ладонь и пытаюсь поймать знакомое ощущение: то, что испытываю в реале, когда делаю открытку. Представляю, что свет фонарика преломляется через ладонь, как луч солнца сквозь цветное стекло, но вижу только ровное круглое пятно на своей руке. Фонарик высвечивает переплетение линий на ладони и сине-

ватые прожилки вен. В сердцах я зашвыриваю его далеко в траву. С тихим щелчком луч гаснет.

Почему поток меня не слушается?

Тоже проделки той Твари? Нет, я бы заметила. Я – скрапбукер исключительной чувствительности, в этом и моя награда, и мое наказание. Лучше всего я умею воспринимать поток, различать его оттенки, ловить его лучи, угадывать его тайные желания.

К волосам легонько прикасается ветер, будто кто-то большой и невидимый тихо-тихо дышит мне в затылок. Никто, кроме меня, не смог бы заметить это безмолвное, едва уловимое движение воздуха. Лучше всего я умею...

Я бросаюсь вперед, к ближайшему перекрестку. Делаю шаг в один коридор – теплый ветер продолжает дуть мне в спину. Двигаюсь назад, сворачиваю в другую сторону, верчусь и так и эдак, но вокруг царит полный штиль – ни малейшего дуновения. Тогда я возвращаюсь туда, где слышно знакомое дыхание, и устремляюсь за ветром.

Это я – фонарик, и я – карандаш, который рисует единственно верную линию в хитросплетениях лабиринта. Не знаю, кто или что двигает мной, но уверена: все, что я сейчас должна делать, – это вслушиваться как можно более внимательно и выполнять то, что чувствую, как можно более точно. Чем дальше я бегу, тем яснее ощущаю ветер, словно в каждом следующем коридоре стоит вентилятор большей мощности. Ветер пахнет солнцем. Что-то заставляет меня

обернуться, и я вижу позади себя четкий след босых ног.

Смеюсь – и снова бегу вперед. Облака над головой расступаются, как театральный занавес, а на сцене за ними – голубое небо. Мне становится беспричинно, необъяснимо хорошо, как в детстве, когда бежишь за воздушным змеем, которого тебе все равно не поймать.

Наверное, все дело в том, что эта игра – моя собственная, а не та, в которую пыталась заставить меня играть Эльза. Может быть, девчонка здесь вообще ни при чем?

Стоит мне об этом подумать, как очередной коридор внезапно обрывается, и я выбегаю на просторную круглую поляну, окруженную зеленой стеной. Судя по тому, что отсюда ведут не меньше десятка выходов, я попала в самый центр лабиринта.

В серединке поляны устроилась Эльза. Вид у нее такой, будто она пришла на пикник: сидит на плетеной циновке, любителюс небом и пьет воду из пузатой синей бутылки. Серебристая бабочка на смуглом плече поблескивает в солнечных лучах. Рядом стоит корзинка и аккуратно сложен клетчатый плед.

Я пытаюсь отдышаться. Мне хочется высказать Эльзе все, что я о ней думаю, но что-то меня останавливает. Может быть, внезапный порыв ветра, а может быть, то, что я не вижу на ее лице ни тени злорадства или ухмылки. Я молча усаживаюсь рядом. Ее королевское величество изволит обратить на меня внимание.

– Так я и думала. Ты не принадлежишь себе, – говорит она. – Ты принадлежишь ему, просто еще не знаешь об этом. А я – нет. Я не принадлежу.

Вот здрасьте! То «Софья Павловна», а теперь она мне тыкает. Но в ее тоне – только констатация факта, в нем нет ни издевки, ни упрека, ни даже обычного высокомерия.

– Что ты имеешь в виду? Кому это – ему?

– Что ты знаешь о своей специализации? – отвечает она вопросом на вопрос.

Я не обязана отвечать, но мне любопытно, к чему она клонит. В горле пересохло. Делаю несколько глотков из синей бутылки – вода вкусная и свежая, будто из родника.

– Я открываю чужие тайны.

– Открой свою собственную. – Эльза прикрывает глаза.

Ну вот как она умудряется быть такой противной? Дразнит меня, водит за нос, понимает, что я скорее проглочу собственные ножницы, чем примусь ее расспрашивать. Никак не могу понять, то ли она решила надо мной поиздеваться, то ли в самом деле знает обо мне что-то такое, чего я сама не знаю. Уф, как же с ней сложно!

Перевожу разговор на другую тему:

– Эльза, разве я разрешала хозяйничать в моей визитке? Я только дала тебе поиграть с дверью, а ты тут все вокруг перекроила! Как такое вообще могло получиться?

– Умеющий шагать сам выбирает, оставлять ли за собой следы. – Она улыбается и щелкает пальцами.

Следы моих ног, которые до сих пор хранила трава, на глазах исчезают. Все до единой травинки выпрямляются, и спустя несколько секунд уже невозможно разобрать, из какого коридора я пришла.

– Черт, как ты это делаешь? – вырывается у меня само собой.

– Я договорилась. Я не принадлежу ему – говорила уже тебе.

– Кому это – ему?

– Неважно. Ты сама поймешь. Отдай мне открытку самоубийцы – и я тебя выпущу.

– Это шантаж.

Очень хочется добавить: «Что скажет твой отец?!» – но это звучит глупо, ведь я же не ее школьная учительница. И слава богу, представляю, как с ней намучились учителя!

– Я просила по-хорошему. – Эльза срывает травинку и задумчиво жует ее.

В ее голосе нет ни малейших признаков эмоций, словно она читает вслух скучную книгу.

– А как же Кодекс? Взять и запереть человека в открытке, разве «не навреди» к этому не относится?

– Кодекс написан для таких, как ты, а не для таких, как я.

Я даже не возмущаюсь, мне просто смешно. Интересно, в ее возрасте я тоже была такой дурочкой? Больше всего о подростковом максимализме знают спасатели и врачи скорой помощи. «Это ограничение скорости не для такого классно-

го водилы, как я», «я крутой спортсмен, я переплыву эту речку», «запрещающие таблички для дураков, а мы остороженько».

– Кодекс написан для всех, – говорю я.

Эльза бросает на меня взгляд, который заставляет меня вздрогнуть. В ее черных глазах прячется безумная глубина: в них сразу и азарт, и восторг, и любопытство, и что-то еще – не от Меркабура и не от нашего мира. Она словно увидела живого дракона, который к тому же готов ее слушаться, как служебная собака. Спустя мгновение она прикрывает глаза, и я снова вижу лишь холодную маску Снежной королевы, но этого мгновения достаточно, чтобы я ей поверила. По спине пробегает холодок, будто Эльза вот-вот обернется гремучей змеей, и я напоминаю себе, что она просто девчонка пятнадцати лет, которая слишком много о себе возомнила, и к тому же дочь Магрина – человека, чья специализация – гарантировать безопасность.

– Время идет, – говорит Эльза. – Помнишь второе предупреждение Кодекса? «Не увлекайся». К тебе это относится.

И она мне еще напоминает! И еще подчеркивает вот это «к тебе» таким тоном, каким взрослые говорят маленьким детям: «Вымой руки перед едой».

– Эльза, что ты собираешься делать с этой открыткой?

– Мне нужно лучше узнать Тварь.

– И ты не боишься?

Она пожимает плечами и продолжает жевать травинку. «Я

все сказала», – читаю в ее королевском взгляде.

Солнце прячется за облаками, становится холодно, в дыхании ветра появляется ледяной оттенок. Я разворачиваю плед и закутываюсь в него. Эльза по-прежнему сидит в одной маечке на лямках и отстраненно смотрит перед собой. Что, если она заодно с Тварью? Почему Эльза такая: всегда в черном, всегда замкнутая, сама по себе, «душа в потемках»? И откуда она столько знает о Твари?

Я разглядываю худенькую фигурку, смуглые гладкие плечи, рисунок бабочки, на крыле у которой инь сливается с ян, тонкие пальцы, длинные ногти, покрытые перламутровым лаком. Потом закрываю глаза и пытаюсь ощутить их обеих: Эльзу и Тварь, странную девчонку и черную шкуру, обжигающий взгляд и искореженное, вывернутое наизнанку пространство. При воспоминании о последнем по телу пробегает дрожь. Нет, здесь что-то не то. Может, и есть между ними что-то общее, но Эльза не может действовать в интересах Твари.

Я смотрю в небо, словно жду от него подсказки. Облака стремительно меняют формы – одна картина причудливее другой, хоть в музей не ходи. Солнце заигрывает с небом: то запустит в него лучик, словно рукой пригласит вихрастые тучи, то спрячется, втихоря подсвечивая их изнутри. Озноб отступает, в теле появляется легкость. Собственно, почему я так не хочу отдавать Эльзе эту открытку? Ах да, самоубийца... Вчерашний день кажется похожим на сон. Было это на

самом деле или не было? Думать совсем не хочется, хочется запустить руки в траву и вдыхать ее запах – горьковатый, но приятный, с цветочными нотками, будто кто-то только что чай заварил. Я провожу рукой по траве. На кончиках пальцев остается зеленая пыль – знакомая картинка... Где я ее видела? Силуюсь вспомнить, но не могу. Или это тоже было во сне?

– Я думаю, пять минут, – говорит Эльза. – Или около того.

– А? Что?

– У тебя еще пять минут.

Ее ровный голос отрезвляет меня. Реальный мир становится похожим на сон – верный признак того, что ты вот-вот застрянешь в Меркабуре.

– Хорошо, – говорю я. – Забирай открытку.

Ты можешь считать себя трусом или героем, но все это не имеет никакого смысла, пока не окажешься в горящем доме. Никто не знает заранее, как он поведет себя в такой ситуации. Мне все становится ясно в один миг. Не было у меня никакого выбора с самого начала. Ну не могу я остаться в Меркабуре! Не могу – и все тут!

Меня накрывает волна двойного облегчения. Ужасно неприятно признаться себе, но я рада избавиться от этой чертовой открытки. Одновременно просыпается тревожное чувство, будто я бросила подругу одну в темном переулке наедине с хулиганами.

– Не переживай. Он не возражает, – говорит Эльза.

– Кто – он? Твой отец?

В ответ она лишь щелкает пальцами, и спустя секунду ее уже нет на поляне. Я закрываю глаза, а изнутри меня тихонько щекочет страх: вдруг опять не получится? Ожидание заставляет сердце замереть. Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем мир откликается привычным головокружением. Может быть, ощущение потери пространства длится чуть дольше обычного, но только и всего. Я открываю глаза в своей комнате, заранее зная, что там увижу.

На полу валяются конверт и наполовину выпавший из него диск. Зеленые буквы на конверте складываются в слово «Амаркорд». Инга мне говорила, как оно переводится с итальянского, но я отчего-то не могу вспомнить. Надо будет посмотреть в словаре. Хотя, какая, к черту, разница?! Чего мне этот «Амаркорд» сдался? Как все-таки по-дурацки устроен наш ум: готов думать о всякой ерунде – лишь бы не о важном, только бы не о больном.

Елки-палки, Магрин меня убьет! Да я со стыда провалюсь, если придется с ним после такого встретиться лицом к лицу! И ведь не объяснишь ему, что не могла поступить иначе. Назовет махровой эгоисткой – и будет прав.

Я поднимаю конверт, на нем написано карандашом:
«Со мной все будет в порядке. Эльза».

Эта маленькая ведьма читает мои мысли. Вот откуда, спрашивается, она узнала, что открытка именно там, в «Амаркорде»? Она всего один раз была у меня дома, и то

случайно, когда однажды в мастерской отключили свет, и мы занимались в моей квартире. Окно распахнуто, а когда я отправлялась на встречу в визитку, оставляла его на вертикальном проветривании. Как она влезла на второй этаж? И когда успела добраться до моего дома? Наверное, входила в визитку откуда-то поблизости. Заранее все продумала.

Ладно, пусть я отдала открытку, но кто-то ведь должен знать, что вообще происходит? Приходится перебирать по новой все визитки, все номера телефонов. Глухое молчание, «абонент недоступен», длинные гудки, мертвые карточки... «Мертвые» – ну как я могла такое подумать?! Просто их владельцы не хотят сейчас никому отвечать. Скрапбукеры – люди тонкие, интуиция у них работает на порядок лучше, чем у всех остальных, значит, затаились и ждут развития событий. Представляю, какие сейчас ходят слухи в городе! «Открытка-убийца» – отличный повод вообще забыть о том, что ты v.s. скрапбукер.

Но я-то еще не забыла. И забывать не собираюсь. Остается только одно: достаю свой альбом скрапбукера. Квадратные листы, заключенные в плотную обложку, соединяют большие кольца из тусклого металла – их украшают такие же крохотные бабочки, как мои ножницы (я делала их на заказ). В этом альбоме мало страниц. Я открываю его с конца и разъединяю кольца.

Впечатления последних двух дней накладываются одно на другое, и за каких-нибудь пятнадцать минут рождается но-

вая страница. Фоном служат наклеенные как попало вырезки из газеты, которые я замазываю сверху белым акрилом так, что прочесть текст нельзя, хоть и видны строчки. Сушу страницу феном и добавляю в правую нижнюю четверть несколько элементов: деталь пазла, нарисованную доминошку, символический кроссворд с крохотными клеточками, ребус, и поверх всего этого рисую матрешку черной гелевой ручкой с тонким стержнем. Чего-то не хватает. Руки тянутся к коробке с алфавитными штампами. В противоположном углу сама появляется надпись из четырех букв:

«GAME»⁸

⁸ Игра (англ.).

Игра. Это мое ощущение того, что происходит? Или поток хочет мне что-то подсказать? Вот попробую сейчас войти в альбом – и наверняка опять ничего толком не узнаю.

Впору счесть себя мазохисткой, если я снова и снова берусь делать новые страницы. Из-за альбома иногда чувствую

себя неполноценным скрапбукером. Как-то раз я пыталась пожаловаться на это Магрину, но без особого успеха. Он сказал, что, во-первых, альбом – это очень личное, и не надо никому об этом рассказывать, даже ему, а во-вторых, Меркабуру виднее, у кого и что должно быть в альбоме.

Многие из скраперов никому не рассказывают о своих хранителях. Каждый был бы рад похвастаться, что в альбоме у него хранителем работает ушедший на покой Сальвадор Дали, но большинству достаются субъекты не менее странные, однако не настолько привлекательные в своем безумии. Инга вот, например, никогда и словом не обмолвится о своем, а спросишь – переводит разговор на другую тему. У меня же дела обстоят еще интереснее.

Мой альбом пуст.

Каждый раз, открывая новую страницу, я надеюсь, что встречу там наконец-то своего хранителя. И каждый раз надежда оказывается напрасной.

Альбом – это и азбука, и дневник, и кабинет психотерапевта, и первая помощь для v.s. скрапбукера, а хранитель – его главный советчик. Когда-то, еще в моем первом альбоме, хранителями у меня были Надежда Петровна и ее муж, и они меня многому научили. Я скучаю по тем временам, хотя, конечно, рада, что эти милые люди вернулись в реальный мир.

Может быть, сегодня у меня наконец-то появится новый хранитель? Сейчас мне больше не у кого попросить помощи или совета.

Я вставляю страницу в альбом, защелкиваю кольца и закрашиваю карандашом бок нарисованной матрешки. Штриховка – мой любимый способ входа в альбом, но место закрашивания всегда выглядит по-разному – как придет в голову. В одно мгновение все вокруг неуловимо меняется. Теперь я нахожусь одновременно в потоке и в реальном мире. Я не проваливаюсь ни в один из миров Меркабура, как это было с прежним альбомом и как это бывает у других скрапбукеров, но пространство вокруг меня преобразуется. Словно я смотрю сквозь волшебные очки, которые во много раз усиливают мои способности видеть поток в реальном мире.

Вокруг моего рабочего стола светится разноцветная аура. Ровный золотой свет излучает мой маленький «музей» – стеклянный шкафчик, где я храню дорогие мне вещи. Пылесос источает темно-синее свечение – это в нем обрезки скопились, наверное. Новенький коврик возле балкона не светится совсем – сделан на заводе, без всякого участия потока. Но если я буду работать с открытками, сидя на нем, у него тоже появится цветная аура. Вот, к примеру, столешница сияет вся целиком – я сделала за этим столом столько открыток, что не осталось ни миллиметра неиспользованной поверхности.

Осматриваю комнату сверху донизу и заглядываю во все углы, но не вижу вокруг ничего нового и никого нового. Только пространство продолжает играть светом. Правда, есть одна вещь, которую я всегда обхожу стороной, когда ра-

ботаю с альбомом, – это зеркало.

В альбоме, на границе двух миров, мое тело выглядит весьма странно. Когда я первый раз вошла в альбом и увидела свои руки, то жутко испугалась. Наверное, не удивилась бы, стань они полупрозрачными, как у привидения, или светящимися в потоке, словно моя коллекция цветных карандашей. Но все обстоит иначе. У людей в реальном мире не бывает такого цвета кожи, как у меня сейчас, к какой бы расе они ни принадлежали.

Я напоминаю себе тролля, который обратился в камень, встретив рассвет. Мои кисти, пальцы и ногти словно сделаны из плотной серой тени, а прожилки вен и линии на ладонях выточены из мрамора. Такого же цвета и вся одежда, что на мне надета, сохранились только фактура ткани и ощущение от ее прикосновения. Мне странно видеть, как двигаются эти руки – ненастоящие, не похожие на руки живого человека, и не просто двигаются, а слушаются меня. Со временем я привыкла, но ни разу не смотрелась в зеркало будучи в альбоме. Меньше всего на свете мне хочется увидеть в таком цвете собственное лицо.

Но сегодня что-то не так, как обычно. Что-то изменилось. В кончиках пальцев чувствую покалывание, какое бывает, если очень замерзшие руки опустить в горячую воду. Я некоторое время разглядываю оттенки темноты на ладонях, а потом, повинувшись внутреннему импульсу, провожу рукой по стене. Поток оставляет на обоях такой же след, как самолет в

небе, только не белый на голубом, а золотистый на белом. На кончиках пальцев остается золотистая пыль, словно я окунула их в пудру. Я отряхиваю руки, но пыль не исчезает. Кажется, что светится сама кожа.

След на стене напоминает мне стрелку. Там, чуть дальше, над туалетным столиком, висит зеркало. В нем отражается стул, и баночки с кремом, и футболка, висящая на стуле. А что случится, если я взгляну на себя? Что в этом страшного?

В детстве, когда родители смотрели детективы, я всегда зажмуривалась и закрывала лицо руками, если показывали покойника. «Впечатлительная натура», – говорила мама. «По крайней мере не захочет стать врачом», – довольно замечал отец.

Но я же не покойника в зеркале увижу! Ну, подумаешь, лицо цвета памятника Ленину, что в этом такого?

Я собираюсь сделать шаг к зеркалу, но вместо этого закрываю глаза и выхожу из альбома.

Когда открываю их снова, комната обретает свои привычные цвета. Стол залит солнцем, руки выглядят как самые обычные руки, кожа снова стала светлой, не считая дорожки рыжих веснушек, рассыпавшихся вверх от запястий.

Белые обои кажутся совершенно чистыми. Я снова провожу рукой по стене, и на коже остается золотистый солнечный след. Что это значит? Подсказка потока? Тогда что он хотел мне сказать? Я прикладываю к стене лист бумаги, но он остается прежним. Прислоняю обе ладони и смотрю на

них – никаких надписей, только едва заметные золотистые блестки. Легче мне от этого не становится. Хватит с меня на сегодня Меркабура – так недолго и с ума сойти.

Я захлопываю альбом, переодеваюсь и выхожу на улицу. По дороге срываю несколько травинок с газона и растираю их в ладонях. Я вдыхаю запах травы – пыльной, городской, вобравшей в себя выхлопы. Для меня важно, что она настоящая, что в ней нет того одурманивающего чайного аромата, какой источает трава в лабиринте Меркабура.

Есть два адреса, по которым, возможно, меня ждут. В дом Инги я даже не захожу – почерневшие от пожара стены и разбитые окна видны издалека. Бабки у подъезда охотно докладывают мне, что их соседка жива и здорова, и даже кошек спасли обоих, а вот квартира сгорела дотла – «наверное, утюг забыла выключить или ейный хахаль сигарету в постели оставил». Интересно, что еще за хахаль? Не припомню, чтобы Инга в последнее время с кем-то встречалась. Больше всего беспокоюсь, уцелела ли картина с Мартой.

Я мчусь по последнему адресу, где бываю очень редко, но всегда с удовольствием. Слава богу, хоть здесь нет никаких следов пожара. На мои долгие звонки в дверь никто не отвечает – ни Надежда Петровна, ни ее муж и отец Инги – Иннокентий Семенович, хотя он работает дома и почти никуда не выходит.

Когда я возвращаюсь домой, то обнаруживаю на своей двери записку, вокруг которой струится поток. Листок бу-

маги скрепляет знакомый вензель из состаренной бумаги в виде двух сплетенных букв «И» и «С» – наша с Ингой защита от чужих глаз и рук. Я отрываю вензель, разворачиваю записку и сразу узнаю почерк Инги – крупный, с ровными круглыми буквами и завитками.

«Наша Марта в огне не горит и в воде не тонет».

Уф, спасибо Меркабуру! Мне сразу становится легче. Ладно, про «нашу Марту» все понятно, а вот вторая фраза оказалось столь чудной, что я так и застыла на пороге с запиской в руках:

«Берегись советских грузчиков, даже если они женщины».

Инга – самая приземленная из всех моих знакомых скрапбукеров, насколько вообще может быть приземленным человек, который имеет дело с потоком. У нее всегда все логично, практично и разложено по полочкам. Она выражается очень конкретно и всему дает четкие определения. Я бы ни в жизни не поверила, что она написала это сама, но поток не ошибается – не только почерк и защита говорят мне о том, что это записка Инги. След потока очень знакомый, почти родной. Инга мне – как сестра, которой у меня никогда не было.

Кто такие «советские грузчики» и что в них страшного? Может быть, это именно они делают открытки с Тварью?

Я хлопаю себя по лбу. Кто сказал, что открытка самоубийцы – единственная?

Я иду в ларек и скупаю все местные газеты за последнюю

неделю. Включаю компьютер и открываю сайты всех городских сообществ и форумов. Просматриваю новостные ленты, потом вдруг вспоминаю, что на моей магнитоле есть радио, и ловлю первую попавшуюся радиостанцию. Просматриваю заголовки криминальной хроники, стараясь особо не вдумываться в их смысл, иначе меня начнет тошнить.

Я нахожу то, что искала, на последней странице «вечерки». С фотографии на меня смотрит знакомое лицо.

«25 мая в лесопарковой зоне обнаружена женщина без документов, которая не помнит своего имени и адреса. На вид около пятидесяти лет, полного телосложения, волосы рыжие. Особые приметы: отсутствуют два верхних передних зуба, слегка шепелявит. Была одета в вязаную зеленую жилетку и черную юбку. Женщина спрашивала прохожих, где найти ножницы. Если вы знаете ее, просим позвонить по телефону...»

Длинные гудки еще никогда не казались мне настолько длинными. Спустя десять минут я уже мчусь по названному адресу на такси. По дороге заезжаю в лучшую кондитерскую города и покупаю столько пирожков, что хватило бы на целую армию.

Дверь мне открывает грузная и громогласная тетка в халате.

– Я по объявлению.

– Ну слава тебе господи! Нашлись родственники, что ли?

Я молча киваю, скидываю туфли и прохожу в большую

комнату, бедно, но довольно уютно обставленную.

– Я ведь в парке дворником работаю. Я ее и нашла. Они хотели ее в приют увезти, для бездомных. Полиция-то. А я смотрю: женщина ухоженная, одета хорошо, и так прям жалко ее стало! Ну куда в приютто – с бомжами вонючими? Дай, думаю, пусть у меня поживет, пока родственники не найдутся. Ведь я же знала, что найдутся! – тараторила хозяйка. – Так-то она ничего, тихая, спокойная, только в еде уж очень капризная – почти ничего не ест. И все время ищет какие-то ножницы. Я поначалу думала, что у нее крыша маленько того, но в остальном она вроде нормальная.

Вслед за хозяйкой прохожу из большой комнаты в другую, поменьше. Я с трудом узнаю женщину, которая сидит за столом у окна. Она очень сильно похудела, щеки ввалились, только рыжие вихры все так же торчат в разные стороны, как у мальчика из мультфильма «Рыжий, рыжий, конопатый». На столе перед ней лежат несколько ножниц: маникюрные, большие старые портновские, обычные канцелярские с пластмассовыми ручками. Она перебирает их, вздыхает и бормочет:

– Куда я задевала ножницы? Пуфф... должны быть где-то здесь. Ножницы мои, ножницы.

– Тетя Шура, – тихонько зову я.

Она оборачивается и с подозрением смотрит на меня.

– Девушка, вы мои ножницы не видели?

На самом деле никакая она мне не тетя. Просто она очень

любит, чтобы все вокруг ее звали именно так. У нее даже на визитке так и написано: «т. Ш.». Она очень талантливая, одна из лучших v.s. скрапбукеров города, хотя по ее внешнему виду ни за что этого не скажешь.

– Тетя Шура. – Я улыбаюсь ей, как маленькому ребенку. – Хотите пирожков?

Я выкладываю их на стол один за другим – ароматные и румяные. И перечисляю вслух:

– Пирожок с картошкой жареный, ваш любимый. Пирог с яблоком и корицей. Пирожок с рыбой и рисом. Лимонник. Слойка с творогом. Все самое свежее из вашей любимой кондитерской. Угощайтесь, пожалуйста.

Она смотрит на выпечку, потом на меня и снова спрашивает:

– Девушка, вы не видели мои ножницы?

Мама дорогая! Я сейчас расплачусь. Тетя Шура не хочет пирожков! Это самое необъяснимое явление мира. Все равно, как если бы снег пошел задом наперед, обратно в облака. «Главное, чтобы было что покушать» – неизменный девиз и любимая фраза тети Шуры, которую я слышала миллион раз. Но это именно она, не может быть никаких сомнений. Я много раз видела в ее визитке эту яркую зеленую жилетку. Смотреть на растерянную и похудевшую тетю Шуру так же невыносимо, как видеть любимого актера, который ходит под себя и пускает слюни, словно грудной младенец.

На моем месте Инга сказала бы: «Найду того, кто сделал

такое с тетей Шурой, – отрежу ему все, что болтается!» На миг все вокруг меня перестает существовать. Больше всего в жизни я сейчас хочу, чтобы она взяла пирожок и сказала с набитым ртом: «Ни фига они не умеют в твоей кондитерской. Тесто толстое, начинка суховатая».

Хозяйка продолжает оглушать меня болтовней, но я разбираю лишь отдельные слова: «найдетесь», «пришлось присмотреть», «потратилась» и «Бог-то он все видит» – и не вникаю в общий смысл этих фраз. Ее громкий голос звучит так, словно кто-то рядом бурит асфальт. Я легко улавливаю, что заставляет ее столько болтать: напряженное ожидание из серии «мне полагается, я заслужила». Ну что ж... достаю из кошелька несколько купюр и прошу оставить нас наедине. Когда хозяйка уходит, и в комнате становится тихо, я наконец-то могу сосредоточиться. Я ищу дыхание потока, пытаюсь нащупать то, что выделяет v.s. скрапбукеров среди других людей, но ничего не нахожу. Тетю Шуру как подменили.

Вытаскиваю из сумочки визитку: полка с тремя горшочками, крохотная бумажная скатерть в красно-белую клетку, а поверх нее – выпуклая буханка хлеба.

– Тетя Шура, это ваша визитка. Узнаете?

Ее пальцы скользят по карточке, гладят буханку, шершавую на ощупь, на миг она замирает, потом роняет визитку на пол и снова спрашивает у меня с надеждой:

– Ты не видела мои ножницы?

Пирожки на столе источают аппетитный аромат. Я хва-

таю один, ломаю пополам, запихиваю себе в рот половинку. Сладкий яблочный пирожок тает во рту, оставляя легкое послевкусие корицы. Обычно тетя Шура очень радуется, когда кто-то рядом с аппетитом ест.

Сейчас она смотрит прямо перед собой и снова перебирает ножницы. Я подхожу ближе и обнимаю ее. Раньше в такие моменты мне всегда казалось, что я нахожусь в объятиях огромного мягкого пирога. Теперь же ничего не чувствую, кроме тепла человеческого тела и запаха шерсти от жилетки. Я пытаюсь отыскать в этой комнате поток, разглядываю ее сверху донизу, но тут, как назло, ничего нет. Потрепанный диванчик, выцветший коврик, скрипучие дощатые полы, свежие обои с пошловатым рисунком. Ни картинки, ни статуэтки, ни вышивки – ничего, что дышало бы потоком. И это еще один печальный факт, который говорит о том, что тетя Шура – больше не скрапбукер. Обычно нас притягивают к себе места, в которых Меркабур хоть как-то себя проявляет. Одно меня радует – я не замечаю вокруг следов вернутого наизнанку пространства, как в мастерской после пожара.

Тетя Шура начинает тихонько раскачиваться, а я все еще не выпускаю ее из объятий.

– Пуфф, ножницы, – она начинает тихонько всхлипывать.

У меня в сумочке есть в точности такие же ножницы, как те, которые она сейчас ищет. Старинные, с бронзовыми ручками и украшениями в виде крохотных бабочек. У каждого

v.s. скрапбукера есть такие, без них нельзя сделать ни одной открытки. И для каждого из нас отдать свои ножницы – даже на время, даже просто подержать – все равно, что вынуть собственный глаз и дать кому-то попользоваться.

А если она что-то вспомнит?! Что-то важное?!

Я достаю из рюкзака чехол с ножницами. Нельзя сказать, что он полностью выполнен в технике скрапбукинга – чехол из бумаги и картона прослужил бы недолго, – но я делала его так же, как открытки: ловила поток, укладывала его в каждый виток нитки и кусочек ткани. Чехол сшит из плотной материи цвета желтого сыра и треугольником повторяет форму ножниц. На две равные части его делит металлическая молния бронзового оттенка. Одна половинка осталась просто тканью, чистой и нетронутой, как сам поток, а другая сразу и явно говорит о скрапбукинге нагромождением деталей: это штампы в виде бабочек и обрывков текста из зеркальных букв, кусочки неровно выкрашенных кружев, плоские пуговицы, маленькая желтая роза и вышитые вручную буквы:

«TOOL»⁹

На конце чехла болтается подвеска – несколько желтых и оранжевых камушков, круглая вышитая подушечка солнечного цвета и толстая кисточка из таких же ниток. Кисточка поменьше украшает застежку молнии.

Инга говорит, что мой чехол выглядит так, словно в нем

⁹ Инструмент (англ.).

индеец хранит свой боевой топорик. В чем-то она права. Поток охраняет ножницы лучше любого сейфа, он бережет их и от ржавчины, и от чужих рук. Поэтому я здорово удивляюсь, когда обнаруживаю, что молния расстегнулась сама. Да быть такого не может! Если только не...

Любой мастер вам скажет, что у инструмента есть душа и характер. Ножницы скрапбукера – инструмент практически одушевленный. Ничуть не удивлюсь, если у них есть свои желания и предпочтения. И, кажется, мои ножницы сейчас хотят оказаться в руках у тети Шуры.

Она это чувствует. Не успеваю я вытащить ножницы из чехла, как тетя Шура хватает их и прижимает к себе. Потом достает что-то из кармана и прячет в ладони, а в ее глазах появляется знакомый огонек.

– Девочка моя, что ты тут делаешь?

– Я принесла вам пирожки, – честно отвечаю я.

Она кладет мои ножницы к себе в карман, хватает половинку начатого пирожка и принимается уминать за обе щеки, но тут же морщится и бросает кусок обратно:

– Фу, гадость какая. Почему меня все время кормят гадостью? В этом мире закончились нормальные продукты?

– Да что вы, тетя Шура, вкуснейший пирожок! Даже на мой вкус, а мне тоже не так-то просто угодить, вы же знаете.

Меня терзают два чувства – безумно хочется отобрать у нее мои ножницы, но, с другой стороны, я до слез рада видеть, как она становится похожей на саму себя.

– Это наказание, – бормочет она себе под нос. – Я все испортила. Я положила отраву. Они неделю с горшка не слезали. И это сразу после свадьбы! Я не хотела! Или хотела? Пойдите-ка, а я хотела или не хотела...

– Тетя Шура, о чем вы?

– Да так... – Она машет рукой. – Какая теперь разница!

– Вы помните, что случилось в парке двадцать пятого мая? Куда делись ваши ножницы?

Она мрачнеет и кладет пирожок на стол.

– Пончик пропал.

Кажется, больше, чем сейчас, мои глаза стать уже никогда не смогут.

– Это мой хранитель, – поясняет она, хотя и так знаю. – Осталась только открытка – толстая, как из дрожжевого теста. Мой миленький Пончик... Я держала его в руках, представляешь? Как пряничного человечка. Могла бы даже съесть. Вот только не помню, куда его задевала.

Я ошибалась – мои глаза еще увеличились.

Тетя Шура яростно чешет в затылке, хмурится, кусает губу.

– Они превратили моего хранителя в открытку и дали мне вот это. – Она протягивает мне раскрытую ладонь.

Я вижу странный круглый предмет, похожий на старинные часы-брегет, по которым проехал трамвай. Медный корпус смят и покрыт царапинами, вместо циферблата какие-то шестеренки и бронзовая спираль. Смотрю на эту штуку, и

мне приходит в голову ответ на вопрос, что такое «Амаркорд». Это означает «я вспоминаю», по крайней мере, так мне говорила Инга.

Я протягиваю руку, но тетя Шура поспешно сжимает штуквину в кулаке, прячет руку за спиной и жалобным тоном добавляет:

– А одна, тощая и длинная, что твоя жердь, утащила мои ножницы.

– Кто они, тетя Шура?

– Я не помню. Какие-то девицы... в серых халатах.

– Как у советских грузчиков? – осеняет меня.

– Много ты помнишь советских грузчиков, деточка! Да ни один грузчик это рубище бы не надел даже после третьей бутылки водки.

– Но как они это сделали? Как можно превратить хранителя в открытку?

Тетя Шура снова берет пирожок, жует, плюется, потом говорит:

– Они мне показали свою открытку – и все скривилось. Все стало как мрачный пирог – непеченный и начинкой наружу. И Пончик... Ох, Пончик, я сразу поняла, что больше не увижу его в альбоме. – Она всхлипывает и утирает слезу.

– А что было на той открытке, вы не помните?

Тетя Шура хмурится и крошит на пол кусок пирога.

– Мрак. Девочка моя, там был такой мрак, какой не снился тебе в самых кошмарных снах. Лучше бы тебе никогда такого

не видеть.

– Клетка, голубь и черная шкура? Похоже, как будто человек сидит?

– Клетка и голубь? – Она вскидывает брови вверх. – Нет, деточка. Хуже. Намного хуже. Там было тесто. Пресное тесто без вкуса и без запаха, и оно затягивало внутрь, как зыбучие пески.

– Тесто на открытке?

– Внутри открытки, ты же понимаешь. А снаружи был пирог, вывернутый наизнанку: тесто внутри, начинка снаружи. Ах, я, кажется, уже говорила про это. И начинка, знаешь, такая, ядовито красная! Сразу видно, что не просто невкусный... – Она снова всхлипывает и лезет в карман за платком. – Мрак! Мрачный пирог!

Тетя Шура достает из кармана мои ножницы и смотрит с удивлением то на меня, то на них:

– Милая... это ведь твои, да?

Я киваю.

– Мне придется их отдать, – вздыхает она.

– И тогда вы снова все забудете?

– Я не могу оставить их себе. – Она гладит лезвия кончиками пальцев, я вижу, как поток играет в ее руках тоненькой, едва заметной струйкой.

– Мы найдем ваши ножницы. Я обещаю, – говорю я.

И кто меня только за язык тянул?! Не могу же я теперь обмануть тетю Шуру. Нашлась обещальщица! С таким же успе-

хом заяц мог бы пообещать ежику разобраться с медведем. Я хихикаю про себя. Или это опять истерическое? Но мне больше ничего не остается. Разве что искать – Ингу, Надежду Петровну, Магрина – кого-то, кто способен разобраться в происходящем. Потому что все остальное выше моих сил.

Тетя Шура протягивает мне ножницы.

– Бери, девочка моя. Это твое. – Она улыбается мне, и это трогает меня больше, чем любые слезы.

В тот миг, когда я уже держу ножницы, а тетя Шура их еще не отпустила, она вдруг морщит лоб, вспоминает что-то и говорит:

– Мне нужно тебе что-то сказать. Ты не слышишь, а я слышу.

– Что?

– Уже пора. Тебя ждут.

– Кто меня ждет? Где?

Она выпускает бронзовые ручки, идет к подоконнику, отрывает листок у комнатного цветка и растирает его в руках. По комнате распространяется цветочный запах. Тетя Шура протягивает мне ладонь, и я вижу, что кончики ее пальцев приобрели зеленоватый оттенок.

– Что это значит? – спрашиваю я.

Но ее взгляд снова становится растерянным. Я прячу ножницы и протягиваю ей недоеденный пирожок. Тетя Шура послушно берет его, но жует механически и с завистью смотрит мне в глаза, как будто это я что-то ем, а она голодает.

– Невкусно, – жалуется мне она. – Я устала.

– Сейчас поедem домой, – успокаиваю я ее.

Я благодарю хозяйку, вручаю ей еще несколько купюр и увожу тетю Шуру к такси. Доставив домой, сдаю ее с рук на руки родственникам и говорю, что она потерялась, но потом вспомнила свой адрес. Меня долго уговаривают остаться, спрашивают, пытаются всучить мне какие-то гостинцы, в конце концов я вырываюсь и спешу домой.

Дома вытряхиваю прямо на пол содержимое своего рюкзачка. Последней вываливается визитка ателье «Депрессивный хорек» – карточка, которая оставляет следы зеленой краски на руках. Только теперь в голову мне приходит очевидная мысль: работа профессионала такого уровня не должна пачкаться, если только он не задумал ее именно такой! Случайностей не бывает, особенно если речь идет о Меркабуре. Понятия не имею, что тетя Шура знает об этом ателье и его хозяйке, но она хотела сказать мне только одно: пора воспользоваться визиткой. Вот только как это правильно сделать?

Иногда верный способ мне подсказывают собственные руки... Я снова ошупываю карточку, провожу пальцем по каждой детали, но ни одна не откликается. Тогда я подключаю самый антискраперский инструмент – банальную логику. Итак, в ателье ходят, чтобы заказать одежду. Снимают мерки, выбирают подходящую модель и ткань. Открытку на себя не примеришь, но вот ткани... Я осторожно снимаю

проволочную вешалку с кусочком изумрудной материи, а потом вешаю ее обратно. Ничегошеньки не происходит, но мое внимание привлекает портрет хорька. Надо же, я не сразу заметила, какая у него забавная и одновременно невыносимо грустная мордочка. Ой, что это? Он мне подмигнул?! Зверек корчит мне рожи, портрет на глазах становится все больше и больше, а у меня нестерпимо кружится голова.

Я закрываю глаза и проваливаюсь на ту сторону, в Меркбург. Спустя мгновение мне открывается чудная картина. В жизни не видела ничего подобного! Но еще до того, как успеваю осознать то, что вижу, я чувствую: меня здесь и вправду ждут.

Глава четвертая. Кем вы были в прошлой жизни?

Инга

2 июня, почти десять утра, время знакомиться

Самое безопасное место в мире

– Кем вы были в прошлой жизни? – Он задал мне этот вопрос таким тоном, словно спросил, в какой школе я училась.

Я вздрогнула. Когда она у меня закончилась, эта прошлая жизнь? Два года назад или прошедшей ночью? Он ждал, всем своим видом выражая бесконечное терпение.

– Вспоминаю, – пояснила я. – Я преподавала итальянский. – Потом решила спросить вслух: – Где я?

– Вы у меня дома. Правда, не знаю, как вы сюда попали, но я вас ждал.

– Мы в Меркабуре? – открыто спросила я.

Он посмотрел на меня с таким любопытством, что я принялась ощупывать лоб – вдруг зеленые рожки выросли?

– Вы находитесь на Земле, это третья планета от звезды в нашей Солнечной системе. «Ноль тридцать в тентуре, семь по спирали», как в одном фильме говорили.

– Кристофоро Колумбо! – пробормотала я вслух.

– Вы знали Колумба? Вы и во времени путешествовали? –

спросил он все тем же непринужденным тоном, как будто мы обсуждали новинки кино.

– Нет, но я знавала одного апулийца, который любил так ругаться, – машинально ответила я.

Кажется, я сошла с ума. Впрочем, последнюю пару лет это ощущение возникает у меня настолько часто, что я ему даже не удивляюсь. Аллегра шепнула мне: «Правда, он классный?» Она меня бесила с самого момента моего появления здесь, моя внутренняя радость. Этот странный тип, который вызывал во мне самые противоречивые чувства, отчего-то ей безумно нравился.

– Вы скрапбукер? – спросила я.

– Нет, музыкант. У вас там есть музыка? Знаете, это такие звуки... Пойдите, я сейчас включу радио. Или, хотите, сыграю вам что-нибудь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.